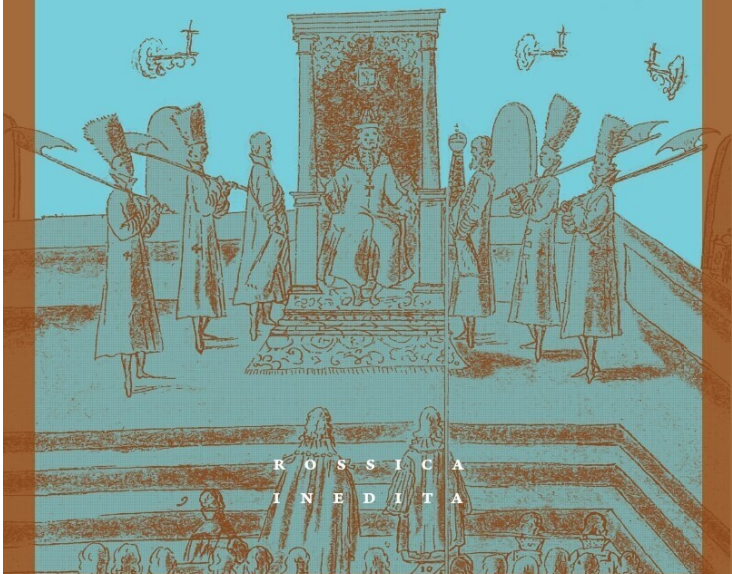

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ДНЕВНИК
ПЕРЕВОДЧИКА
ПОСОЛЬСКОГО
ПРИКАЗА
КРИСТОФА БОУША

(1654–1664)

ROSSICA
INEDITA

Олег Русаковский
Дневник переводчик
Посольского приказа
Кристофа Боуша (1654-1664)
Серия «Новые источники по
истории России. Rossica Inedita»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70135120

*Дневник переводчик Посольского приказа Кристофа Боуша
(1654-1664): Изд. дом Высшей школы экономики; Москва; 2024
ISBN 978-5-7598-4018-3*

Аннотация

Издание предлагает вниманию читателей комментированный перевод дневниковых записей, которые переводчик на русской службе Кристоф (в православии – Василий) Боуш тайно вел на немецком языке в 1654–1664 гг. Автор рассказывает о боевых действиях в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., поведении русских войск на завоеванных территориях, судьбе польских пленных в России, о событиях при царском дворе, порче монеты, восстаниях и политической борьбе в России и польско-литовском государстве, о пожарах, вспышках чумы и прочих

бедствиях. Подробно описываются приемы иностранных послов в Кремле и переговоры русских дипломатов на съездах с польскими и шведскими представителями. Хотя большая часть сообщений, несомненно, отражает взгляд из Москвы, автор «Дневника», сам прошедший русский плен, не скрывал ни своих сложных чувств к «москвитам», которым принужден был служить, ни сочувствия к «полякам». «Дневник» содержит ценные сведения по истории Восточной Европы XVII в., а также является уникальным свидетельством того, как иноземец на царской службе воспринимал политические и культурные реалии русского государства и его внешней политики.

Книга адресована как историкам, культурологам, филологам, так и широкому кругу читателей.

Содержание

От научного редактора	5
Список сокращений	10
Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр	11
Безгласные переводчики	11
Все начинается с рукописи	18
В стенах Академии	22
«Дневник» в поисках автора	30
Кристоф Боуш: имя, язык, происхождение	36
Из пленников в переводчики	46
Дела финансовые и дела семейные	57
Смерть в Митаве	64
Свой среди чужих, чужой среди своих	71
В мастерской историка	79
«Дневник» в поисках читателя	85
Дневник войны русских и поляков (1654–1664)	91
Год 1654	91
Дополнение к 1654 году	93
Год 1655	101
Дополнение к 1655 году	116
1656 год	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Дневник переводчик
Посольского
приказа Кристофа
Боуша (1654–1664)**

*Сост., вступ. ст., пер. с нем.,
науч. ред. и коммент.*

О. В. Русаковского

От научного редактора

Представляемый в данной книге источник – ранее не публиковавшийся дневник за 1654–1664 гг., атрибутируемый переводчику Посольского приказа Кристофу (Василию) Боушу. Текст «Дневника» публикуется в русском переводе с немецкого по рукописи из собрания Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге¹. Расширенное издание, включающее оригинальный текст «Дневника» на немецком языке,

---

¹ НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. F 15. В дальнейшем ссылки на эту рукопись приводятся в основном тексте в круглых скобках без указания источника.

публикуется в электронном виде под названием «Дневник переводчика Посольского приказа Кристофа Боуша (1654–1664): перевод, комментарии, немецкий оригинал» (М: Изд. дом ВШЭ, 2024).

При передаче в переводе имен, географических названий и специальных терминов публикатор руководствовался некоторыми общими соображениями.

Русские, украинские и белорусские личные имена и топонимы воспроизводятся в их общепринятой русской форме или, если идентификация невозможна, в наиболее вероятной с фонетической точки зрения реконструкции. В соответствии с авторским написанием в оригинале одно и то же лицо может быть обозначено различными вариантами имени («Долгоруков» и «Долгорукий», «Юрий Хмельницкий» и «Юрась Хмельницкий» и т. п.).

Иноязычные личные имена и топонимы воспроизводятся в их общепринятой в историографии русской форме или, если таковая отсутствует, по установленным правилам транскрипции. При наличии нескольких употребимых в русском языке норм предпочтение отдается той, которая наиболее близка написанию в «Дневнике» («Гонсевский» вместо «Госевский», «Дроммонд» вместо «Драммонд» и т. п.).

Топонимы и названия историко-географических областей воспроизводятся в принятой в отечественной историографии форме («Данциг» вместо «Гданьск», «Ревель» вместо «Таллинн» или «Колывань» и т. п.; исключение сделано

в единственном случае: «Львов» вместо «Лемберг»). Топонимы, которые приводятся в самом «Дневнике» одновременно в русском и иноязычном варианте, воспроизводятся в переводе в соответствии с написанием, избранным в источнике («Корела» и «Кексгольм», «Орешек» и «Нотебург» и т. п.).

Русские термины, записанные в «Дневнике» латиницей, полностью воспроизводятся в переводе с устранением, если это необходимо, фонетических неточностей или погрешностей переписчика (*Wojewod* как «воевода», *Diak* как «дьяк» и т. п.).

Термины, приведенные в «Дневнике» на польском языке, или латинские термины, вошедшие в политический обиход в Речи Посполитой, даются в переводе в соответствии с существующей в русской историографии традицией (*Podkomorzy* как «подкоморий», *Palatinus* как «палатин» и т. п.).

Немецкие термины, описывающие политические, административные и военные реалии, воспроизводятся в виде их общепринятых эквивалентов в современном русском языке. Так, *General* везде передается как «генерал», хотя из контекста очевидно, что в русских реалиях это слово чаще всего соответствует термину «воевода», а в польских или украинских – слову «гетман»; аналогичным образом «канцлер» (*Cantzler*) может обозначать и польско-литовского «канцлера», и русского «думного дьяка». В некоторых

случаях, когда речь идет о России или Речи Посполитой, немецкие термины могут передаваться бесспорно соответствующими им понятиями, принятыми в русских источниках (*Hofrat* как «думный дворянин», *Hofjuncker* как «дворянин» и т. п.).

При комментировании «Дневника» особое внимание уделяется расхождениям между содержащимися в нем сведениями и данными иных источников, а также трактовками, распространенными в исследовательской литературе. Датировки отдельных событий оговариваются в комментариях только в тех случаях, когда «Дневник» явно расходится с датами, указанными в иных источниках или принятыми в исследовательской литературе. Для «Дополнений», лишенных дат, датировки отдельных событий приводятся лишь в случаях, когда хронология нарушена или изложение нуждается в такого рода пояснениях. Комментарии к именам и географическим названиям опущены, за исключением ситуаций, в которых сведения «Дневника» существенно отличаются от принятых в историографии или являются очевидно ошибочными. Краткие сведения об упомянутых в тексте лицах и их деятельности в 1654–1664 гг. приводятся в аннотированном указателе имен. Комментарием снабжены упомянутые впервые меры длины и веса, наименования монет и термины, понимание которых может вызвать трудности у читателя.

* * *

Неоценимую помощь и поддержку в работе над этой книгой оказали мне коллеги и друзья, щедро делившиеся своими знаниями и временем: Н.Е. Асламов, А.Д. Власова, М.А. Волков, И.В. Герасимова, А.Г. Гуськов, И.В. Дубровский, К.Ф. Ерназаров, И.И. Кожурина, А.М. Лобанов, Ингрид Майер, Т.А. Опарина, П.И. Прудовский, О.С. Сапожникова, М.А. Сорокина, Артем Усачев, Искра Шварц, Штефан Шнек. Разумеется, вся ответственность за ошибки и неточности в настоящем издании лежит на его научном редакторе.

Олег Русаковский

Список сокращений

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

ПДС – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1–10. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851–1871

Leben und Taten – Versuch von einer Beschreibung des Lebens und der Taten Alexei Michailowitz // НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. F 16

Дневник переводчика Посольского приказа: автор, контекст, жанр

Олег Русаковский

Безгласные переводчики

На обложке этой книги – одно из самых известных изображений царского двора XVII в. Оно принадлежит перу Иоганна Рудольфа Сторна, который посетил Москву в составе посольства императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I в 1661–1662 гг. Рисовальщик изобразил торжественный прием послов Августина фон Мейерберга и Гуильельмо Кальвуччи царем Алексеем Михайловичем в Золотой палате Московского Кремля 18 мая 1661 г.² Мы видим русского государя, его ближайших советников и телохранителей, русских придворных и самих императорских послов. По левую руку от них, спиной, вполоборота к зрителю, стоит человек. Различить черты его лица

---

² Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в.: Объяснительные примечания к рисункам / сост. Ф. Аделунг, А.М. Ловягин. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. Рис. 54. Здесь и далее, если отсутствует специальный комментарий, даты приводятся по юлианскому календарю, который используется в тексте «Дневника».

невозможно. Угадываются лишь очертания профиля – рисунок столь небрежен, что, кажется, Сторн наскоро добавил эту фигуру поверх уже расчерченных ступеней, ведущих к царскому трону. Подпись к рисунку называет этого человека «московитским переводчиком» (*der moscowitische Translator*). Благодаря русским документам и запискам императорских послов³ мы можем предполагать, что перед нами единственное сохранившееся изображение (едва ли его можно назвать портретом) переводчика Василия Боуша.

«Портрет со спины» оказывается невольной метафорой того, как историки в большинстве случаев смотрят на Боуша и его коллег. Благодаря исследованиям последних десятилетий мы многое знаем о переводчиках Посольского приказа, начиная от конкретных биографий и заканчивая обобщенным образом этой социальной и профессиональной группы⁴.

---

³ Ср. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / пер. А.Н. Шемякина. М.: Университетская типография, 1874. С. 72; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1851–1871 (далее – ПДС). Т. 4. Стб. 132, 154–154.

⁴ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М.: Индрик, 2021 (с обширной библиографией); *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа, 1645–1682. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 93–141; *Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М.: Изд. дом ЯСК, 2019. Попытку социологического анализа см.: *Шамин С.М., Янссон О.* «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы в России конца XVI – на-

Нам известно, что большинство этих людей не были русскими по рождению, а происходили в первом или втором поколении либо из числа иноземцев, оказавшихся, часто не по своей воле, в Москве, либо, как это часто случалось с переводчиками восточных языков, из покоренных народов Поволжья или Великой степи. Благодаря знанию одного, а чаще нескольких иностранных языков, а также собственному таланту, незаурядному жизненному опыту, эрудиции и удаче они были незаменимы для русского правительства и могли рассчитывать на успешную карьеру. Эти немногие люди работали над переводами посольской переписки, европейских новостных изданий, художественных, научных и технических книг. Их повседневный труд во многом обеспечил политические успехи России, ставшей в XVII в. ведущей державой Восточной Европы. Без их усилий была бы невозможна постепенная вестернизация русской культуры времен первых Романовых, которая подготовила в культурном и практическом отношении реформы петровского царствования.

Наш взгляд на переводчиков Посольского приказа остается, однако, во многом взглядом со стороны. За переведенными ими текстами и формализованным языком челобитных мы не слышим живых людей, зачастую так и не ставших своими в чужой стране. Немногочисленные свидетельства иностранцев, подавляющее большинство которых не были под-

данными царя и находились в России лишь временно, помогают реконструировать поведение московских переводчиков в отдельных эпизодах, но остаются фрагментарными и почти всегда нуждаются в дополнительной проверке. При этом до настоящего дня нам не были известны какие-либо объемные источники личного происхождения, в которых русские переводчики XVII в. рассказывали бы о своей деятельности или о том, как они воспринимали перипетии большой политики, с которыми сталкивались ежедневно.

Немецкая рукопись, найденная недавно в собрании Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, позволяет хотя бы отчасти заполнить эту лакуну. В библиотечной описи рукопись обозначена как «Дневник войны о войне (*sic!*) русских и поляков с 1654 по 1664 год». Действительно, содержащийся в ней текст представляет собой дневниковые записи за период с августа 1654 г. по конец 1664 г., снабженные краткими погодными «Дополнениями» (*Supplementa*). Речь, однако, не идет о личном дневнике в прямом смысле слова. Перед нами – история внешней политики России, и прежде всего ее войны с Речью Посполитой (1654–1667), ставшей ключевым событием в истории Восточной Европы XVII в.

В первые годы войны царь Алексей Михайлович, поддержав восставших против Речи Посполитой запорожских казаков, захватил почти всю территорию Великого княжества Литовского и часть украинских земель и добился в 1656 г. выгодного Виленского перемирия. В 1656–1658 гг. Рос-

сия вела в Прибалтике боевые действия против Швеции, также претендовавшей на часть польско-литовского государства, но не смогла добиться успеха и вынуждена была в 1658 г. заключить компромиссное Валиесарское перемирие, а в 1661 г. – Кардисский мирный договор. В 1658–1660 гг. русские войска, возобновив боевые действия, потерпели ряд поражений и были вынуждены перейти к обороне, а литовская шляхта и часть запорожского казачества встали на польскую сторону. По завершившему войну Андрусовскому перемирию Россия вернула потерянные в Смутное время Смоленск и Северскую землю, а также присоединила Левобережную Украину и Киев на правом берегу Днепра. За тринадцать лет, прошедших с начала войны, конфликт вышел далеко за пределы польско-литовских земель, а его прямыми или косвенными участниками оказались все ключевые державы Восточной, Южной и Центральной Европы: Швеция, Дания, Бранденбург, австрийские Габсбурги, Османская империя и Крымское ханство⁵.

«Дневник» отразил множество граней этого сложнее-

---

⁵ О военной истории этих конфликтов см.: *Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019; *Курбатов О.А.* Русско-шведская война 1656–1658 гг. М.: Руниверс, 2018; о международных отношениях в Восточной Европе в 1650–1660-х годах см.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010; *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013; *Кобзарева Е.Н.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959.

го конфликта. Его автор рассказывает о боевых действиях, поведении русских войск на оккупированных территориях, судьбе польских пленных в России, событиях при царском дворе, порче монеты, восстаниях и политической борьбе в России, Запорожской Сечи и на территории польско-литовского государства, пожарах, вспышках чумы и прочих бедствиях. Многочисленные и подробные сообщения, записанные, как кажется, очевидцем, относятся к приемам иностранных послов в Кремле и переговорам русских дипломатов на посольских съездах с польскими и шведскими представителями. Хотя большая часть сообщений, несомненно, отражает взгляд из Москвы, автор «Дневника» не скрывает своей неприязни к «московитам» и сочувствия к тем, кого он именуется «поляками».

Рассказчик не называет своего имени и избегает любых упоминаний о себе и своей семье. Его знания о российской дипломатии, однако, столь обширны, приводимые сведения точны, а владение несколькими языками – немецким, русским и польским – несомненно, что предположение о службе автора в Посольском приказе напрашивается само собой. Последующие сопоставления данных «Дневника» и приказной документации всецело подтверждают эту догадку. Их совокупность почти неопровержимо свидетельствует о том, что автором «Дневника» был Василий (или, вернее, Кристоф, если использовать его немецкое имя) Боуш, которого Сторн запечатлел за работой в 1661 г. Сочинение Боуша

не только содержит уникальные свидетельства об истории России середины XVII в., но и позволяет разглядеть в ее авторе человека, охваченного сильной политической эмоцией и ищущего способы и жанровые рамки ее выражения. Настоящая публикация впервые представляет современному читателю этот своеобразный текст в комментированном русском переводе и (в приложениях к электронному изданию) немецком оригинале⁶.

---

⁶ Некоторые положения данной вступительной статьи изложены в сокращенном виде в работе: *Русаковский О.В.* Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в. // *Российская история.* 2022. № 5. С. 32–44.

Все начинается с рукописи

Хранящаяся в БАН рукопись представляет собой, насколько нам известно, единственный сохранившийся список «Дневника». Это поздняя беловая копия, выполненная профессиональными писцами. Манускрипт *in folio* занимает 189 листов. Для него характерны широкие внешнее, верхнее и нижнее поля, в то время как поля с внутренней, примыкающей к переплету стороны листов отсутствуют совершенно, что в редких случаях затрудняет чтение. Используемая бумага может быть с большой долей вероятности датирована периодом между 1710 и 1740 гг.⁷ Рукопись заключена в переплет из плотного картона, выполненный, вероятно, в конце XVIII – первой четверти XIX в. На внешней стороне его верхней крышки вытеснен императорский герб в виде двуглавого орла, а на первом листе – штамп Академии наук того же времени с аналогичным гербом.

Пагинация в рукописи непрерывна и, вероятно, выполнена некоторое время спустя после ее написания. Очевидно, что конец списка (одна или несколько тетрадок) утрачен. Текст обрывается на середине предложения внизу последнего, 189-го листа. Один из листов, а именно лист 115, не имеет

---

⁷ В рукописи идентифицированы филигранные «герб Амстердама» двух типов, близкие к приведенным в работе Т.В. Диановой «Филигранные XVII–XVIII вв. “Герб города Амстердама”» (М., 1998) под № 405, 406, 412.

отношения к основному содержанию и, вероятно, был подшит по ошибке во второй половине XVIII в. На его обороте помещается список книг, переданных в библиотеку Академии из собраний различных учреждений по распоряжению княгини Екатерины Романовны Дашковой, директора Академии в 1783–1794 гг.

Основной текст написан двумя четкими почерками, очевидно, принадлежащими профессиональным писцам первой половины XVIII в. Объем выполненной ими работы неравен. На долю первого переписчика пришлось более 90 процентов текста, в то время как второму принадлежит лишь относительно короткий фрагмент на листах с 47-го по 54-й (записи с 11 января 1657 г. по 22 апреля 1658 г. и «Дополнение» к 1657 г.). Текст на написанных им листах, за исключением двух последних, заключен в прямоугольную рамку, а поля сокращены. Кроме того, в пометах можно выделить еще по меньшей мере два почерка, значительно более небрежных. Одним из них сделан латинский подзаголовок *Res gestae Cz[aren] Alexii Mich[ailowicz] ab Anno 1654 usque 1664* – «Деяния царя Алексея Михайловича с 1654 по 1664 г.» в начале текста, вторым – рубрикация на полях рукописи. Вероятно, первым из этих почерков сделаны также частые пометы и исправления внутри текста рукописи, касающиеся орфографии, замены или объяснения отдельных слов, фразеологических и грамматических конструкций.

Немецкий язык, на котором написан текст, был, несо-

менно, родным для автора, привычного к написанию сложных текстов на этом языке. Синтаксис «Дневника» подчас весьма запутан за счет большого количества сложноподчиненных предложений и оборотов, заключенных один в другой, что в целом характерно для немецких барочных текстов. Некоторые синтаксические конструкции не завершены, возможно вследствие ошибок переписчиков, и представляют определенные сложности для понимания. Ошибкам переписчиков, быть может, следует приписать и нерегулярность падежных и глагольных форм. Некоторые формы сильных глаголов (претеритум *begunte, fund*; причастия *abgesand, vermuchtet*; инфинитивы *begaben, gelangen* и т. п.) весьма необычны. При этом в «Дневнике» довольно мало диалектных слов и выражений, заимствованных из нижненемецкого языка, которые могли бы указать на возможное происхождение автора (*Kante, Tolk, Skute, vertrokken* и некоторые другие).

Будучи носителем немецкого языка, автор «Дневника» продемонстрировал также владение русским и польским языками. Он уверенно и свободно употребляет русские термины, относящиеся к придворным, государственным и военным чинам, и приводит для них корректные немецкие соответствия. Его транслитерации русских личных имен и топонимов в большинстве своем оправданны и последовательны, а допущенные в них отдельные ошибки (например, *Almar* вместо *Almaz* в имени думного дьяка Алмаза Иванова и т. п.) следует, вероятно, приписать небрежности переписчиков.

Велико в «Дневнике» также число слов и выражений, заимствованных из латинского и французского языков, что, впрочем, типично для немецких текстов XVII в.

Отмечая в целом довольно большую аккуратность переписчиков «Дневника», нельзя исключать, что некоторые фрагменты текста не вошли в копию, которой мы располагаем сегодня. Отдельные предложения в тексте заканчиваются сокращением *etc.* («и т. д.»). Остается неясным, следовали ли переписчики имевшемуся у них протографу или же подходили к тексту с некоторой долей избирательности. Вместе с тем достаточная степень откровенности дошедшего текста, автор которого не скрывал своей неприязни ко многим действиям русских, в особенности к их политике на оккупированной территории Великого княжества Литовского, исключает, как кажется, возможность последовательной цензуры по политическим мотивам со стороны переписчиков.

В стенах Академии

Все сведения об истории рукописи, которыми мы располагаем, относятся к одному эпизоду из истории Санкт-Петербургской Академии наук. В феврале 1735 г. правительство императрицы Анны Иоанновны приняло решение о переиздании «Уложения» царя Алексея Михайловича с параллельным немецким текстом. В качестве своеобразного развернутого предисловия к этому изданию сотруднику Академии Иоганну Георгу Лоттеру было поручено подготовить биографию царя на немецком языке с последующим переводом на русский⁸. Уроженец Аугсбурга, учившийся в Галле и окончивший университет в Лейпциге, Лоттер получил известность как автор работ по античной и средневековой истории и в 1734 г. принял должность профессора риторики и греческих и римских древностей при Петербургской Академии наук. Помощь Лоттеру, в частности, в составлении генеалогических таблиц по русской истории, оказывал его более известный соотечественник, историк и филолог Готтлиб Зигфрид Байер⁹. Он же взял на себя завершение жизнеописания

---

⁸ О Лоттере см.: *Franck J. Lotter, Johann Georg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 19. Leipzig, 1884. S. 272; Veith F.A. Bibliotheca Augustana. Bd. 11. Augustae Vindelicarum, 1795. P. 120–136. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 535–538; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1890. С. 381–383.*

⁹ О Байере см.: *Fück J.W. Bayer, Gottlieb Siegfried // Neue Deutsche Biographie.*

сания после смерти коллеги в апреле 1737 г.

Труд Лоттера и Байера, озаглавленный «Опыт описания жизни и деяний царя Алексея Михайловича», сохранился в полной белой копии в Библиотеке Академии наук. Знакомство с этим объемным текстом, занимающим 339 листов *in folio*, не оставляет сомнений в том, что главным камнем преткновения для его авторов стала языковая проблема. Оба немецких историка прожили в России недолго и не овладели в должной степени русским языком. В своей работе они отчасти опирались на выписки из русских нарративных источников, которые были по заказу Лоттера переведены на латынь кем-то из русских сотрудников Академии. В рукописи «Жизни и деяний» эти латинские выписки, с краткими и не всегда понятными указаниями на их происхождение, приведены параллельно основному тексту. Помимо этих фрагментарных записей, Лоттер и Байер использовали иноязычные свидетельства. Описывая ход войн Швеции с Речью Посполитой и русским государством, они широко ссылаются на «Историю Карла Густава» Самуэля фон Пуфендорфа, а для описания русско-польской войны используют латинские сочинения польских авторов. Кроме того, в рукописи приведен в пересказе один объемный фрагмент из знаменитого дневника шотландского наемного офицера Патрика

Vd. 1. Leipzig, 1875. S. 678; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 180–196.

Гордона за 1661 г.¹⁰ Рассказ о казацком мятеже на Украине в 1668–1669 гг. и восстании Степана Разина в 1670–1671 гг. опирается на не дошедший до нас дневник некоего немецкого офицера, служившего в одном из русских солдатских или рейтарских полков¹¹.

Рукопись «Дневника» оказалась для Лоттера и Байера поистине бесценной находкой. Описывая вступление царских армий в пределы Великого княжества Литовского в 1654 г., они впервые дают ссылку на «рукопись пленного поляка, который затем остался на русской службе в качестве переводчика (*Translateur*) (Григория Колерцкого (*Gregori Kolerczyk*)) и описал события 1654–1664 гг. и которому мы, за недостатком многих известий, будем большей частью следовать, исключая те случаи, когда я (*sic!*) обращаюсь к польским писаниям»¹². Это откровенное признание совершенно справедливо. В дальнейшем наши авторы более тридцати раз прямо упоминают сочинение «Колерцкого» как свой основной, а в подавляющем большинстве случаев и единственный, источник. Фактически же «Жизнь и деяния» превращаются в подробный, иногда почти дословный пересказ «Дневника». Когда сведения «Колерцкого» вступают в противо-

---

¹⁰ *Leben und Taten...* Л. 203. См. современную публикацию дневника Гордона в изд.: *Гордон П. Дневник // пер., ст. и примеч. Д.Г. Федосова. Т. 1–6. М.: Наука, 2000–2018.*

¹¹ *Leben und Taten...* Л. 309–328 об.

¹² *Ibid.* Л. 86 об. – 87. Имя *Gregori Kolerczyk* вписано иной рукой и чернилами, нежели сама сноска и основной текст.

речие с сообщениями Пуфендорфа, академики, не утруждая себя аргументами, принимают на веру записи «Дневника»¹³. Говоря о скандальном приеме английского посольства в Кремле в ноябре 1663 г., они замечают: «Все последующее взято из журнала (*Journal*) Г. Колерцкого; напротив, можно воздержаться от чтения напечатанных путевых заметок, которые совершенно пристрастны (*voller Partheylichkeit ist*)»¹⁴, имея в виду, вероятно, записки секретаря английского посольства Ги Мьежа¹⁵.

Дойдя в своем изложении до начала 1665 г., один из немецких историков с сожалением отмечает: «До сей поры журнал Колерцкого служил мне верную службу. Здесь, однако, он кончается, и я не нахожу никаких известий, кроме тех, которые я могу почерпнуть из другого журнала одного немецкого офицера, начинающегося, однако, лишь с 1667 г. Поэтому я не могу ничего сказать в особенности об Андрусовском мире и вообще о 1665 и 1666 годах»¹⁶. Таким образом, Лоттер и Байер пользовались тем текстом «Дневника», которым сегодня располагаем мы и который открывается описанием событий лета 1654 г. и обрывается концом 1664 г.

---

¹³ Ibid. Л. 112 об.

¹⁴ Ibid. Л. 297.

¹⁵ *Miège G. A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark. L.: John Starkey, 1669.*

¹⁶ *Leben und Taten...* Л. 306.

Опубликованные протоколы заседаний Конференции – центрального управляющего органа Академии наук – позволяют реконструировать процесс работы Лоттера и Байера и сделать предположения о происхождении использованных ими источников. 12 декабря 1735 г. копиист Академии Юберкампф получил приказ «являться к барону Гюйсену и со всем тщанием подготавливать отрывки (*excerpta*), относящиеся к русской истории, в особенности касающиеся жизни Великого Князя Алексея Михайловича, [из сочинений], которые принадлежат барону Гюйсену»¹⁷. В то же время нет никаких свидетельств, ни подтверждающих нахождение интересующей нас рукописи у дипломата русской службы Генриха фон Гюйссена или по крайней мере его знакомство с ней, ни отрицающих такую возможность. В исторических сочинениях самого Гюйссена материал «Дневника» использован не был; впрочем, экскурсы в царствование Алексея Михайловича в них были весьма кратки и не требовали специального отбора источников¹⁸. По сведениям, которые приводит, хотя и без дальнейших ссылок, историк Академии П.П. Пекарский, выданные Лоттеру манускрипты могли происходить из библиотеки покойного сподвижника Петра

---

¹⁷ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 годы. Т. 1. 1725–1743. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. С. 230.

¹⁸ О Гюйссене как историке см.: *Korzun S. Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 169–190.

И Якова Брюса¹⁹. Брюс действительно умер в апреле 1735 г., но опубликованные описи его собрания не содержат никаких упоминаний о рукописи, содержание которой было бы сходно с «Дневником»²⁰.

Первую часть своего труда, занявшую в чистовой копии 48 листов, Лоттер завершил в конце октября 1736 г.²¹ К этому тексту прилагались родословные древа последних Рюриковичей и первых Романовых, выполненные Байером и включенные впоследствии в беловую рукопись²². Зимой 1736/37 г. в ход работ, однако, вмешалась болезнь историографа, вызванная, по официальной версии, скверным петербургским климатом, а по отзывам современников, невоздержанностью по части женского пола²³. 8 февраля 1737 г. врачи еще обнадеживали Лоттера в том, что весной он сможет вернуться к работе²⁴, но уже 1 апреля 1737 г. историк скончался²⁵.

Еще при жизни Лоттера, в феврале-марте 1737 г., его черновики и подготовительные материалы, включая «шесть письменных известий о России (*sechs Stück schriftliche*

---

¹⁹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 538.

²⁰ Ср.: Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН СССР, 1989.

²¹ Протоколы заседаний... С. 325.

²² *Leben und Taten*... Л. 4–7 об.

²³ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук... С. 538.

²⁴ Протоколы заседаний... С. 354.

²⁵ Там же. С. 378.

Nachrichten von Russland)», передали Байеру как продолжателю труда умирающего историка²⁶. Байер, хотя и жаловался на недостаток источников, завершил свою работу к осени 1737 г., представив Академии 4 ноября беловую рукопись «Жизни и деяний...» – вероятно, ту самую, которой мы располагаем сегодня²⁷. Она, однако, так и не была опубликована. Возможно, одной из причин этого стала скоропостижная кончина Байера 10 февраля 1738 г.²⁸ Продолжателей у историка не нашлось. Сложно сказать, осталось ли руководство Академии недовольно результатами изысканий Лоттера и Байера, или же в правительстве вовсе потеряли интерес к этому историческому сюжету.

«Жизнь и деяния...» оказались прочно забыты и за последующие без малого три столетия удостоились разве что кратких упоминаний в общих работах по истории Академии. Столь же незавидной была и судьба использованных Лоттером и Байером материалов. Списки, сделанные по заказу Академии, в том числе сохранившаяся до сегодняшнего дня рукопись «Дневника», оказались в академическом архиве. Оригиналы же возвратили владельцам или, если последние не высказывали заинтересованности в них, выставили на продажу²⁹. Вероятно, именно тогда стены Академии по-

---

²⁶ Там же. С. 371, 353–354.

²⁷ Там же. С. 439.

²⁸ Там же. С. 458.

²⁹ Там же. С. 469. См. также: С. 380, 392, 408.

кинул и был навсегда утрачен протограф «Дневника».

«Дневник» в поисках автора

Кто же был автором «Дневника»? В самом источнике нет прямых указаний на его создателя. Более того, очевидным кажется желание автора скрыть собственное имя. Как уже говорилось, он полностью сконцентрирован на политических событиях и не сообщает никаких подробностей о себе лично. Местоимение «я» употреблено в тексте лишь два раза – в исполненном драматического накала повествовании о голоде в Белоруссии в 1657 г. (л. 49) и в совершенно нейтральном по тону описании въезда английского посла в Москву в 1664 г. (л. 137 об.). Два этих случая столь несхожи и по предмету, и по тону рассказа, что объяснить эти неожиданные переходы к повествованию от первого лица чем-либо, кроме случайных оговорок, едва ли возможно.

Примечательно и использование в «Дневнике» местоимения «мы». Хотя неприязнь автора к «московитам» очевидна, во всех случаях выражения «мы», «наши» или «наша сторона» употребляются в тексте в отношении московских дипломатов и, реже, подданных русского государя вообще. Вместе с тем, много говоря об иноземцах на русской службе, автор почти никогда не причисляет себя к ним. Единственное исключение вновь приходится на одно из самых эмоционально насыщенных мест «Дневника» – рассказ об избавлении от тягот русского плена некоей польской девицы Полянской,

которой помогали «мы», т. е. иноземцы, к коим автор, очевидно, причисляет себя (л. 79–79 об.).

Учитывая скудость подобных примеров, а также принимая во внимание видимое нежелание автора раскрывать свое инкогнито, исследователю приходится полагаться на косвенные соображения. Соединение в «Дневнике» глубоких знаний о русском государстве и его повседневной дипломатической практике с неприязнью к его жителям и симпатией к полякам заставляет подозревать в авторе подданного Польской короны, волею обстоятельств оказавшегося на службе в Москве. Владение, причем, вероятно, письменное, несколькими иностранными языками указывает на переводчика Посольского приказа, тем более что многие из них попадали на службу путем плена и, вероятно, питали сложные чувства к своей новой родине. Установить среди них автора «Дневника» помогает то, что мы можем с известной долей уверенности проследить его итинерарий. При внимательном чтении «Дневника» бросается в глаза, что в те месяцы, когда внимание автора концентрируется на ходе отдельных посольских съездов с поляками и шведами, проходивших вдали от столицы, сведения о приемах и переговорах в Москве пропадают из текста, а замечания общеполитического характера становятся отрывочными и касаются только самых значимых событий. Естественно предположить, что автор сам ездил на описанные им переговоры, покидая на это время Москву. Набор подобных поездок для каждого из приказных

переводчиков хорошо известен, и простое сопоставление их послужных списков с «Дневником» может с большой долей вероятности указать на его создателя.

Первые читатели «Дневника», познакомившиеся с ним в 1730-х годах, не могли пойти предложенным путем, поскольку документы Посольского приказа оставались тогда неразобранными. Академики справедливо искали автора текста среди немногих переводчиков Посольского приказа, упомянутых в тексте в третьем лице. Наиболее подходящей кандидатурой им казался некий «Григорий Колерцкий», названный в «Дневнике» среди членов русской делегации на посольском съезде под Вильной в 1656 г. (л. 23). В маргиналиях к «Жизни и деяниям» он упоминается как автор «Дневника» несколько раз. Скорее всего, выбор Лоттера и Байера остановился на «Колерцком», поскольку два других фигурирующих в тексте переводчика с польскими или западнорусскими фамилиями – Людвиг (Степан) Ширецкий и Ян (Иван) Булак – были, по сообщению самого источника, сосланы в январе 1664 г. в Казань и не могли стать свидетелями событий, описанных на последних страницах «Дневника» (л. 136)³⁰.

Даже поверхностного знакомства со списками переводчиков, служивших в Посольском приказе в 1650–1660-х годах, достаточно, однако, чтобы убедиться в отсутствии среди

---

³⁰ О Ширецком и Булаке см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Ша-мин С.М. Переводчики... С. 75, 225.*

них человека по имени Григорий Колерцкий. Само это имя в использованном в «Дневнике» написании звучит неестественно и на польском, и на русском языках. Как уже говорилось, ошибки в написании русских и польских имен, фамилий и названий иногда встречаются в тексте, вероятно, по вине переписчиков. Казалось разумным отождествить Колерцкого с Григорием Колчицким, который действительно служил в Посольском приказе переводчиком польского, латинского и белорусского языков с 1655 г. и принимал участие в подробно описанном в «Дневнике» Виленском съезде 1656 г.³¹ Уже П.П. Пекарский, основываясь на заметках величайшего из академических историков XVIII в. Герхарда Фридриха Миллера, прямо именовал «Дневник» «рукописью Колчицкого»³².

Слишком многое, однако, не позволяет считать Колчицкого автором «Дневника». Во-первых, он происходил из Киева и был, очевидно, православным по рождению. «Дневник» же не обнаруживает особенного интереса к малороссийским делам, а православие оставалось для его автора чужой верой. Во-вторых, Колчицкий оказался в Москве уже в 1651/52 гг. по приглашению своего брата Степана, также переводчика Посольского приказа³³. Его решение о переезде

---

³¹ См.: Там же. С. 125–126; *Беляков А.В.* Служащие... С. 307.

³² *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук... С. 537.

³³ О нем см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 126–127.

де в Россию носило, насколько можно судить, добровольный характер и не было связано с пленом и иными трагическими обстоятельствами, наложившими отпечаток на автора «Дневника». Наконец, ничто не указывает на то, что Колчицкий знал немецкий язык, переводил с него и тем более мог вести на нем тайный дневник.

Хотя Колчицкий участвовал в двух посольских съездах, описанных в «Дневнике», – под Вильной в 1656 г. и в Борисове в 1660 г. – в остальном его предполагаемый итинерарий не слишком хорошо согласуется с текстом. Так, вскоре после съезда в Борисове он отправился в качестве переводчика в полки князя Юрия Алексеевича Долгорукого и был ранен в битве на Басе 28 сентября 1660 г.³⁴ В «Дневнике» это сражение коротко упомянуто (л. 81), но об иных подробностях похода не сообщается. Летом и осенью 1663 г. Колчицкий ездил к запорожским казакам³⁵, в то время как «Дневник» за это время полон сообщениями из Москвы. Сведения об участии Колчицкого в посольских съездах с поляками в 1658, 1662 и 1664 гг. и тем более в пограничных переговорах со шведами в 1659 г. обнаружить не удалось. Между тем «Дневник», подробно освещающий эти съезды, почти не оставляет сомнений в том, что автор был их непосредственным участником.

Выход из этого противоречия легко найти. Можно пред-

---

³⁴ Там же. С. 125. См. также: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 73.

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 10, 32; Д. 2.

положить, что сотрудники Академии ошиблись, идентифицировав «Колерцкого» (Колчицкого) как автора «Дневника» из-за его польской фамилии. В том же перечислении участников Виленского съезда 1656 г. назван и другой переводчик Посольского приказа – Кристоф Боуш³⁶. Именно он, как уже говорилось, видится идеальным претендентом на роль автора нашего источника. Биография Боуша, которую можно проследить, во всяком случае для периода после 1654 г., обнаруживает большое количество совпадений с предполагаемым жизненным путем автора «Дневника». К реконструкции этой биографии – в чем-то исключительной, а в чем-то, напротив, вполне типичной – нам и предстоит обратиться.

---

³⁶ Краткие биографические справки о нем см. в изд.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 71–72; *Беляков А.В.* Служащие... С. 287.

Кристоф Боуш: имя, язык, происхождение

Немецкое имя Боуша – Кристоф – известно исключительно из «Дневника». В документации Посольского приказа он упоминается под своим православным именем Василий, иногда также как «Василий Якимов сын Боуш»³⁷. Его фамилию приказные подьячие часто записывали также как Бауш и, иногда, Баушев. Сам переводчик, однако, предпочитал вариант через «о». Это со всей очевидностью явствует не только из «Дневника», орфографию которого мог исказить переписчик, но и из двух несомненных русских автографов Боуша – расписки в получении прибавочного хлебного корма от 28 января 1662 г.³⁸ и крестоприводной записи об отсутствии у него поместий от 5 августа 1663 г.³⁹ Выписка «на пример», сделанная в Посольском приказе в 1673 г., называет Боуша курляндцем⁴⁰. Иных указаний на его происхождение в русских источниках нет, поэтому в справоч-

---

³⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 121; Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П.И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. С. 273, 274.

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 71.

³⁹ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 137.

⁴⁰ Там же. 1673 г. Д. 5. Л. 36.

ной литературе это свидетельство не ставится под сомнение. Единственный известный автограф Боуша, выполненный латиницей – поручная запись от 24 августа 1655 г. за некоего жителя Велижа Ивана (Яна) Казимиrowa сына Свидерского, перешедшего в царское подданство и православную веру, – воспроизводит, однако, полонизированную версию его имени (*Wasilej Bohusz rękę przyłożył*), переданную приказными подьячими в русском тексте документа как Богуш⁴¹.

Начиная с первых лет работы в Посольском приказе и до своей смерти Боуш работал с тремя языками – немецким, польским и латынью. Несомненно, все эти языки, равно как и русский, автор «Дневника» знал превосходно. Кроме того, Боуш в какой-то степени владел распространенными в Балтийском регионе немецкими диалектами. Так, в феврале 1661 г. он экзаменовал взятого в плен под Дерптом Федора Лопова, который пытался поступить в Посольский приказ в толмачи цесарского (немецкого) языка, и установил, что тот знает лишь «лифляндский язык», т. е. один из местных немецких диалектов. Это, впрочем, не помешало Лопову получить искомое место, и в том же году начать в приказе успешную карьеру уже в качестве золотописца – мастера миниатюры и художественного оформления документов⁴².

Записки иноземцев, сталкивавшихся с Боушем во время

---

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 265. Л. 302–302 об. Сердечно благодарю К.А. Кочегарова за указание на этот документ.

⁴² См.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 171–172.

их пребывания в России, дают весьма противоречивые сведения относительно его происхождения, имени и владения языками. Рагузанский дворянин Франо Гундулич (Франческо Гондола), посетивший Россию в составе императорского посольства в 1655–1656 гг., писал о том, что переводчик на переговорах с царем в Полоцке 10 июля 1656 г., «какой-то новокрещеный курляндец, был небольшой знаток нашего языка»⁴³. Почти нет сомнения, что речь в данном случае идет о Боуше. Остается, однако, неясным, имеется ли в виду под «нашим языком» разговорная «славянская» смесь из русского и южнославянских языков, на которой Гундулич, по собственным уверениям, имел беседы с царем⁴⁴, или все же немецкий, бывший одним из главных языков переговоров.

Версия о курляндском происхождении Боуша не является единственной. Андреас Роде, секретарь датского посла Ганса Ольделанда, побывавшего в Москве в 1658–1659 гг., свидетельствовал, что обязанности толмача при них исполнял «пленный и перекрещенный лифляндец Василий Багус»⁴⁵. Сходную полонизированную форму – Богуш (*Bogusz*),

---

⁴³ Гундулич Ф. Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. / пер. К. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9. С. 137–165 (здесь – с. 160).

⁴⁴ Там же. С. 155.

⁴⁵ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991 / отв. ред. Н.М. Рогожин. С. 285–319 (здесь – с. 290). (Россия в мемуарах дипломатов).

знакомую нам по поручной расписке 1655 г., – использовал в своем дневнике и польский дипломат Стефан Франтишек Медекша, бывший на переговорах с русскими комиссарами в Смоленске летом 1662 г. Медекша, однако, называл переводчика скрывшим свое происхождение поляком, «присягнувшим на царское имя и окрещенным» (*na imię carskie przysięgłym i ochrzczonym, ani znaé że Polak*)⁴⁶. Латинизированное написание *Vauscius* использовал и императорский посланник Августин фон Мейерберг, имевший дело с Боушем во время своего визита в Москву в 1661 г.⁴⁷ Наконец, Якоб Кетлер, герцог Курляндский, в грамоте главе Посольского приказа Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину от 2 января 1668 г., извещавшей о смерти Боуша в Митаве, называл его «благородным господином Василием Баушке (*den wolgebohrnen Herrn Basilium Vauschke*)»⁴⁸.

Итак, источники зафиксировали три версии происхождения Боуша (курляндец, лифляндец или поляк) и четыре различные формы его имени, каждая из которых может указывать на его этническую принадлежность и, возможно, на место рождения. Написание «Боуш» (*Bousch*), использованное в «Дневнике» и в собственноручных расписках переводчика, весьма редко в современном немецком и не зафиксиро-

---

⁴⁶ *Medeksza S.F.* Księga pamiętnicza wydarzeń zaszłych na Litwie 1654–1668 / wyd. przez W. Seredyńskiego. Kraków: Drukarni c. k. Uniwersytetu Jagiel., 1875. S. 117.

⁴⁷ Путешествие в Московию... С. 72.

⁴⁸ Россия и Пруссия... С. 433.

вано в балтийском регионе в раннее Новое время. Фамилия «Богуш» («Багуш»), напротив, оставляет широкий простор для предположений. Она происходит от западнославянского личного имени Богуслав, для которого уже в Средневековье в польском языке зафиксированы формы *Bogusz*, *Bohusz*, *Bogosz*, *Bosz*, *Boszek* и т. д. Широко известны также происходящие от него польские и литовские фамилии – Богушевич, Богушевский и т. п. Имя Богуслав вошло и в немецкий именослов балтийского региона, став, в частности, одним из родовых имен Померанского правящего дома. Носитель подобной фамилии мог, таким образом, происходить из практически любой языковой и этнической среды и быть немцем, поляком, литовцем и т. д. Нельзя, однако, исключать и того, что Богуш (Богуслав, Боуш) в действительности – второе (после первого – Кристоф) имя переводчика, а подлинная его фамилия в таком случае остается для нас неизвестной.

Наконец, вариант «Бауш» (*Bausch*) кажется привлекательным и с лингвистической, и с географической точки зрения. Этот вариант распространенной фамилии *Busch* весьма часто встречается как в верхне- так и в нижненемецких диалектах. Носители ее известны и в балтийском регионе, в том числе на территории Курляндии. Представители рода Бушей в конце XVI–XVII вв. были бюргерами в Голдингене и Митаве, где один из них, Ульрих (ум. в 1687 г.), даже стал членом городского совета⁴⁹. Кроме того, есть искушение связать

⁴⁹ *Seuberlich E. Stammtafeln deutsch-baltischer Geschlechter. Bd. 1. Leipzig:*

написание «Бауш», особенно в варианте *Bauschke*, предложенном курляндскими чиновниками в 1667/68 гг., с названием города Бауск (*Bausk*) на крайнем востоке герцогства (ныне – Бауске, Латвия). Это предположение кажется тем более заманчивым, что в одном из переводов западных печатных изданий, выполненном в Посольском приказе в 1660 г., название Бауск передано как Бауш⁵⁰. Перевод этот анонимен, но делался он с голландского, и едва ли его автором был сам Боуш, не знавший этого языка. Не означает ли тогда Боуш (*Bausch, Bauschke*) выходца из Бауска или его окрестностей? Следует, правда, иметь в виду, что в самом «Дневнике» Бауск упомянут единожды как *Bausk* (л. 62 об.), что весьма далеко от написания в источнике имени переводчика.

Неожиданную информацию о социальном и географическом происхождении Боуша можно почерпнуть из челобитной, поданной переводчиком в мае 1656 г. Согласно ей, в том же году русские войска взяли в плен под Старым Быховом «лотыша, вотчинного моего подданного, холопа Анца Браздина», который теперь посажен за приставом в Москве. Боуш просил передать Браздина ему в услужение, «чтоб он по-прежнему холопом и работником моим был»⁵¹. Как свидетельствует помета на обороте листа, приказные служащие

Zentralstelle für deutsche Personen- und Familiengeschichte, 1924. S. 17.

⁵⁰ Вести-курранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: в 2 ч. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008–2009. Ч. 1. С. 71; Ч. 2. С. 450–451.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 307. Л. 26.

согласились с притязаниями Боуша на владение холопами по праву «вотчинника» и решили отдать Браздина ему, «а в Смоленск не посылать, для того, что он про себя сказал ложно, что он шляхтич»⁵². Как видим, показания пленного о самом себе отличались от слов переводчика. Остается только гадать, в каких действительно отношениях состояли Боуш и Браздин в их прежней жизни, насколько искренними были их утверждения и свидетельствовало ли вмешательство Боуша в судьбу прежнего знакомого о стремлении помочь ему или, напротив, имело целью извлечь выгоду из его несчастий.

Хотя единственная запись в русских документах и большинство свидетельств иностранцев сходятся в том, что Боуш происходил из Курляндии, автор «Дневника» кажется весьма мало заинтересованным в событиях в герцогстве и в перипетиях русско-курляндских отношений⁵³. Сведения о Курляндии никак не выделяются в источнике ни по частоте, ни по подробности изложения, ни по эмоциональному накалу. Автор сочувствует «невинному герцогу Курляндии», оказавшемуся в 1658 г. пленником шведского фельдмарша-

---

⁵² Там же. Л. 26 об.

⁵³ О русско-курляндских отношениях в период русско-польской войны 1654–1667 гг. и сопутствующих ей конфликтах см.: *Jakovleva M. Die Beziehungen zwischen Herzog Jakob von Kurland und Russland // Forschungen zur Baltischen Geschichte / Hrsg. von M. Laur u. K. Brüggemann. Bd. 2. S. 24–56; Рухманова Э.Д. К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России в 1658 г. // История СССР. 1975. № 1. С. 157–163.*

ла Роберта Дугласа (л. 68 об. – 69), но порой допускает подобные выражения и в отношении исторических деятелей, с которыми его очевидно ничто не связывало, таких как казацкие полковники Сомко и Золотаренко, убитые в 1663 г. по приказу их соперника, гетмана Брюховецкого (л. 130–132), или боярин Никита Алексеевич Зюзин, пострадавший за сношения с опальным патриархом Никоном (л. 182 об. – 183 об.).

Постоянные симпатии автора «Дневника» обращены только к одной группе – «полякам». Этот этноним, или, вернее, политоним, он трактует очень широко, понимая под ним население или, во всяком случае, дворянство и горожан едва ли не всей Речи Посполитой – от собственно Польского королевства до окрестностей Смоленска. Термины же «Литва», «литовцы» и «литовский» употребляются в «Дневнике» исключительно в узком административном смысле, применительно к государственным структурам Великого княжества Литовского, и прежде всего к его армии. На зависимые от Речи Посполитой территории, в частности на Курляндию, политоним «поляки», очевидно, не распространяется, и вопрос о том, причислял ли себя к ним сам автор, остается открытым.

Неопределенны указания «Дневника» и на конфессиональную принадлежность его автора. О делах веры он говорит неохотно и всегда в контексте политики или ритуала, но не предмета своей совести. Очевидно, что он, даже если

и перешел в православие формально, остался чужд «суеверной религии» русских (л. 178 об.). Его сообщения о русском духовенстве сводятся к коротким рассказам о монахах, предававшихся всем видам разврата – от насилия над мальчиками до скотоложества (л. 6). Весьма негативен и его отзыв о местоблюстителе Киевской митрополии Мефодии (Максима Филимоновиче) в связи с участием последнего в так называемой Черной раде 1663 г. (л. 131 об. – 132 об.). При этом никакого интереса ко внутренним делам православной церкви автор «Дневника» не проявляет. Из всех событий русского Раскола он счел нужным сообщить (правда, довольно подробно) лишь об отъезде патриарха Никона из Москвы в Новоиерусалимский монастырь в июле 1658 г. (л. 55), попытках бояр, действовавших по царскому поручению, выяснить причины этого отъезда (л. 124) и не менее неожиданном возвращении Никона в Кремль и службе в Успенском соборе в декабре 1664 г. (л. 182 об. – 183 об.). Эти события общеизвестны, и наш обычно аккуратный автор не мог пройти мимо них, но ничто не указывает на его желание занять чью-либо сторону в этом конфликте. Вместе с тем в «Дневнике» нельзя усмотреть очевидных симпатий ни к католикам, ни к протестантам, хотя Боуш, если он действительно происходил из Курляндии, вероятно, воспитывался в лютеранской вере. Косвенно о лютеранском вероисповедании автора свидетельствует и последовательное использование в «Дневнике» юлианского календаря, хотя объяснением здесь может

служить и привычка, приобретенная на русской службе.

Из пленников в переводчики

Когда именно и при каких обстоятельствах Боуш оказался на русской службе? Единственным свидетельством, проливающим свет на этот вопрос, остается краткая выписка, сделанная в Посольском приказе почти через шесть лет после смерти Боуша и спустя два десятилетия после описываемых событий, в сентябре 1673 г.: «В прошлом во 162-м году взят в полон под Шепелевичами... курляндец Василей Боуш, и был в тюрьме по 164-й год, во 164-м году по указу великого государя взят он, Василей, в Посольской приказ для цесарского и польского языков в переводчики»⁵⁴. Итак, названо точное место, а с ним фактически и дата – 14 августа 1654 г., когда войска князя Алексея Никитича Трубецкого разгромили армию великого гетмана Литовского князя Януша Радзивилла близ села Шепелевичи (ныне – Могилевская область, Беларусь). Эта победа стала самым серьезным успехом русских войск в кампании 1654 г. в полевом сражении, фактически лишив польско-литовскую сторону надежд на деблокаду осажденного Смоленска и предопределив его капитуляцию чуть более месяца спустя⁵⁵.

К сожалению, этому позднему сообщению едва ли мож-

---

⁵⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Л. 36.

⁵⁵ См.: *Бабулин И.Б.* Смоленский поход и битва при Шепелевичих 1654 года. М.: Русские витязи, 2018.

но доверять всецело. Если предположить, что Боуш был автором «Дневника» и описывал в нем преимущественно произошедшее в непосредственной близости от себя, то версия о его пленении именно под Шепелевичами не кажется бесспорной. В «Дневнике» действия войск Трубецкого кратко упоминаются только в «Дополнении к 1654 году». Напротив, первые поденные записи относятся к маневрам войск князя Якова Куденетовича Черкасского между Копысью, Оршей и Дубровной 4 и 5 августа, сразу после сражения под Шкловом 2 августа 1654 г., а затем к событиям в царском лагере под Смоленском, в том числе о доставке туда пленных, взятых под Полоцком (л. 1–1 об.). Едва ли автор «Дневника» оказался в числе этих пленных, поскольку в таком случае он не мог быть хорошо осведомлен о действиях Черкасского под Оршей, отстоявшей почти на 200 километров к юго-западу. Скорее, он мог оказаться в расположении армии Черкасского после взятия Орши или разорения ее окрестностей в последние дни июля 1654 г.⁵⁶

Сообщение о том, что Боуш «был в тюрьме по 164-й год», т. е. самое раннее по сентябрь 1655 г., также вызывает сомнения. Современная событиям выписка, сделанная осенью 1655 г., кажется более правдоподобной: «В прошлом во 163-м году июня в 27 день по государеву... указу велено быть в Посольском приказе в переводчиках Василью Баушу, а го-

---

⁵⁶ О взятии Орши см.: *Бабулин И.Б.* Смоленский поход... С. 90.

сударева жалованья учинен ему оклад 22 рубли»⁵⁷. Поденный корм размером два рубля три алтына выдавался переводчику именно с 27 июня 1655 г.⁵⁸ Впрочем, в другой росписи о выплате жалования, также относящейся ко второй половине 1655 г., временем начала его приказной службы указан июль⁵⁹. 24 августа 1655 г. он уже в статусе приказного переводчика оставил упомянутую выше поручную запись за Ивана Свидерского. Боуш упомянут в этих ранних документах уже под своим русским именем Василий и, очевидно, успел принять к тому времени православие. Вероятно, для этого он провел некоторое время не «в тюрьме», а, как это было принято для желавших или вынужденных сменить вероисповедание иноземцев, «под началом» для исправления в вере в одном из московских или подмосковных монастырей.

Данные «Дневника» целиком соответствуют этим предположениям. За описанием боевых действий в окрестностях Смоленска в нем следуют упоминания происшествий в Возмищенском Рождества Пресвятой Борогородицы Никольском монастыре под Волоколамском, датированные 24 сентября 1654 г., а также началом января 1655 г. (л. 1, 5 об. – 6). Возможно, столь длительное пребывание в монастыре объяснялось тем, что до Москвы было невозможно добраться

---

⁵⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 141.

⁵⁸ Там же. Л. 142.

⁵⁹ Там же. Л. 167.

из-за свирепствовавшей там чумы. 1 марта 1655 г. автор «Дневника» уже находился в столице и наблюдал выезд царя в поход на Вильну (л. 6). Затем записи прерываются на полгода и возобновляются первым известием, касающимся Посольского приказа, – объявлением о возвращении посланников из Курляндии (л. 6 об.) – после чего следуют уже регулярно и не оставляют сомнений в том, что их автор из первых рук получал сведения о внешней политике Российского государства.

Уже 7 октября 1655 г. автор «Дневника» стал свидетелем въезда в Москву императорских послов Аллегретто де Аллегретти и Иоганна Дитриха фон Лорбаха, а под датой 18 декабря подробно описал их прием в Кремле (л. 6 об. – 8 об.). Из русских документов о приеме посольства мы знаем, что Боуш участвовал в работе с грамотами, привезенными императорскими послами, в частности, переводил 11 января 1656 г. один из «листов», поданных ими в Посольском приказе⁶⁰. В те же дни он перевел на немецкий и царскую грамоту, отправленную герцогу Курляндскому с послом Григорием Богдановым, следовавшим к императору в Вену⁶¹, а также ряд польских документов⁶². Тогда же Боуш с полным пра-

---

⁶⁰ ПДС. Т. 3. Стб. 419.

⁶¹ Там же. Стб. 450. В «Дневнике» ни этот факт, ни само отправление Богданова не упомянуты.

⁶² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1655 г. Д. 4. Л. 113, 115, 118. Благодарю К.А. Кочегарова за любезное указание на источник.

вом писал о себе в обращенной к царю челобитной: «Работаю я, холоп твой, всякие твои государевы немецкие, цесарские и польские, частию и латинские дела в посольском приказе неотступно»⁶³.

Летом 1656 г. Боуш уже в достаточной степени пользовался доверием руководства Посольского приказа, чтобы отправиться в составе русской делегации на съезд с польскими комиссарами под Вильной⁶⁴. Как уже говорилось, именно к этому времени относится единственное упоминание Боуша в «Дневнике» в записи от 13 июля 1656 г. (л. 22 об.). Оно вполне подтверждается данными посольской книги 1656 г. о переводах польских и немецких документов, сделанных Боушем на съезде, а также его участии в качестве толмача в совещаниях русских комиссаров с императорскими послами⁶⁵. Тогда же Боуш впервые присутствовал на тайной аудиенции, данной царем в Полоцке императорским послам 10 июля 1656 г. и описанной Франо Гундуличем⁶⁶. Об этой тайной аудиенции мы читаем и в «Дневнике» (л. 22 об.).

В 1657 г. Боуш был свободен от посольских посылок.

---

⁶³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 166.

⁶⁴ См. челобитную Боуша и Колчицкого о прибавке жалования: Там же. Л. 196.

⁶⁵ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в 50-е годы XVII в. // Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. / под ред. М.С. Мейера, Б.Н. Флори и др. М.: Гуманитарий, 2007. С. 137–230 (здесь – с. 148, 166, 195, 196).

⁶⁶ *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 115–118.

Известно лишь о его кратковременном выезде в деревню Мантурово Ржевского уезда для перевода «немецких листов», которые прислал из завоеванного у шведов Кокенгаузена воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Боуш выехал подо Ржев 18 ноября и вернулся десять дней спустя, привезя с собой переведенные им упомянутые письма⁶⁷. В «Дневнике» эта короткая поездка не упомянута, а записи между 12 октября и 12 декабря отсутствуют. В начале следующего, 1658 года Боуш участвовал в приеме в Москве бранденбургского посланника Фридриха Иоахима фон Борнтина, в частности, переводил две грамоты, поданные последним 25 января 1658 г.⁶⁸ (л. 51–51 об.). С июня по октябрь того же года Боуш находился на не достигших своей цели переговорах под Вильной⁶⁹. Драматичный ход этого посольского съезда, включая завершившее его вооруженное противостояние между литовскими и русскими войсками и победу последних в битве под Верками 11 октября 1658 г., подробно описан в «Дневнике» (л. 59 об. – 60).

Сходными оставались занятия Боуша и в следующем году. Из сообщения секретаря датского посольства Андреаса Роде мы знаем, что Боуш выполнял устный перевод на царской аудиенции, данной датским послам 25 марта 1659 г., причем «два раза ошибся, когда произносил имя нашего всеми-

---

⁶⁷ ПДС. Т. 3. С. 702–705, 716–726.

⁶⁸ Россия и Пруссия... С. 408–412.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 95. Л. 136 об., 137 об., 531 об.

лостивейшего короля, назвав его Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха»⁷⁰. В «Дневнике» содержится упоминание об обеих аудиенциях, но рассказ об оплошности Боуша там опущен (л. 64). На следующий день, 26 марта, состоялись переговоры датских послов с боярами и вечерняя тайная аудиенция у царя; оба этих события кратко описаны в дневнике и подтверждаются записками Роде, в которых «Багус» упомянут несколько раз⁷¹.

Летом 1659 г. Боуш выехал в Ливонию для участия в мирных переговорах со шведами⁷². Сообщения «Дневника» об этом посольском съезде в некоторых случаях более информативны, чем официальный статейный список. Так, «Дневник» излагает содержание переговоров Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина «с глазу на глаз» с главой шведской делегации Бенгтом Горном 27 сентября 1659 г., о подробностях которых в статейном списке не сообщается (л. 66–66 об.)⁷³. Личная встреча Ордина-Нащокина с командующим шведскими войсками в Ливонии шотландцем Робертом Дугласом 5 ноября того же года, описанная в «Дневнике» со множеством подробностей, в статейном списке не упомянута, что заставляет подозревать ее тайный или по крайней мере неофициальный характер (л. 68–69 об.). На-

---

⁷⁰ Роде А. Описание второго посольства... С. 366–367.

⁷¹ Там же. С. 367–368.

⁷² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 6 об., 36; Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7. Л. 107.

⁷³ Ср.: Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 48. Л. 73 об.

против, «Дневник» умалчивает об имевших место поездках самого Боуша во время этого съезда в качестве гонца в лагерь шведских послов⁷⁴.

В это же время Боуш единожды получил доступ в царские покои, причем по весьма деликатному поводу. В 7167 (1658/59) г. он в качестве толмача сопровождал доктора Андреаса Энгельгардта и лекаря Симона Зоммера, которые «отворяли жильную», т. е. пускали кровь, царице Марии Ильиничне⁷⁵. Сложно сказать, остались ли во дворце довольны услугами Боуша или же он не справился с латинской медицинской терминологией. В последующие несколько лет Энгельгардту и Зоммеру, которые отворяли кровь уже самому Алексею Михайловичу, ассистировал дьяк Посольского приказа Лукьян Голосов, превосходно знавший латынь⁷⁶. Отметим, что в «Дневнике» нет ни намека на этот эпизод, вероятно, вследствие обычного для Боуша нежелания привлекать внимание к собственной роли в описываемых им событиях и тем более сообщать подробности частной жизни царя и его семьи.

На 1660 г. пришелся описанный в «Дневнике» посольский съезд с польско-литовскими комиссарами в Борисове, на котором Боуш присутствовал в качестве переводчи-

---

⁷⁴ Там же. Л. 164.

⁷⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 2. Д. 669. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Л. 2.

ка вместе с Григорием Колчицким⁷⁷ (л. 76–81). Весной следующего, 1661 года Боуша вновь вызывали для толмачества на царских приемах, данных императорским послам Августину фон Мейербергу и Гуильельмо Кальвуччи⁷⁸. «Дневник» также содержит запись об этих переговорах и о возникших на них спорах о царском титуле (л. 91–91 об.). Из русских источников известно, что Боуш принимал активное участие в дискуссии о соотношении царского и императорского титулов и в подготовке материалов для нее⁷⁹. К тому же времени относится и изображение Боуша в «Альбоме Мейерберга», о котором шла речь выше.

Большую часть 1662 г. занял посольский съезд в Смоленске, подробно описанный в «Дневнике» (л. 105–110 об.) и упомянутый в нескольких челобитных, поданных переводчиком⁸⁰. Хотя сами русские послы выехали из столицы 13 февраля 1662 г., Боуш задержался в Москве до конца марта «для переводу свейские подтвержденные грамоты», т. е. документов о ратификации заключенного в предыдущем году Кардисского мира⁸¹. «Дневник» подробно описывает споры между русскими боярами и шведскими послами, обнаружившими расхождения в русском и шведском

---

⁷⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 79.

⁷⁸ Путешествие в Московию... С. 72.

⁷⁹ ПДС. Т. 4. Стб. 132, 154–155.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 140, 150; Д. 11.

⁸¹ Там же. 1661 г. Д. 2. Л. 118.

текстах мирного договора, но, как обычно, не упоминает о том, что Боуш лично участвовал в последовавших разбирательствах (л. 118–118 об.). Уже будучи в Смоленске, Боуш неоднократно передавал императорским послам, пребывавшим в городе в качестве посредников, официальные извещения политического и бытового характера от русских дипломатов⁸².

Определенную проблему в контексте биографии Боуша представляет прием в Москве английского посольства Чарльза Ховарда графа Карлайла в феврале – апреле 1664 г. В «Дневнике» это посольство описано со вниманием, которого не удостоивалась после 1656 г. ни одна другая иностранная миссия (л. 136 об. – 149). Если, однако, прием императорских послов в середине 1650-х годов был первым для нашего автора и его стремление зафиксировать все связанные с этим событием детали вполне объяснимо, то подобную скрупулезность в отношении английского посольства, одного из многих, при которых он присутствовал, понять сложнее. Еще более странно, что в официальных русских документах, посвященных миссии Карлайла, имя Боуша в числе переводчиков (очевидно, с латинского, а не с английского языка) найти не удалось⁸³.

Последним крупным дипломатическим событием, описанным в «Дневнике», стал съезд русских и польских комис-

---

⁸² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 99. Л. 116 об., 121 об.; ПДС. Т. 4. Стб. 394–395, 398.

⁸³ См. статейный список в РГАДА (Ф. 35. Оп. 1. Кн. 11).

саров в Дуровичах под Смоленском в мае – сентябре 1664 г. (л. 149 об. – 181 об.). Присутствовал Боуш и на оставшихся за хронологическими рамками «Дневника» переговорах 1666–1667 гг., которые завершились подписанием 30 января 1667 г. перемирия в Андрусово и подвели итог под тринадцатью годами русско-польской войны. Рукоприкладства Боуша и Колчицкого, которым вновь довелось работать вместе, завершают официальный русский перевод Андрусовского договора.

Дела финансовые и дела семейные

Доверие, оказывавшееся Боушу, было предопределено дефицитом кадров, который Посольский приказ испытывал во второй половине 1650-х годов. Сам Боуш писал в своей челобитной в марте 1658 г.: «А я, холоп твой, немецкой и польской языки и всякие латинские мудрые речи перевожу один»⁸⁴. Формально это утверждение выглядит типичным для подобных документов риторическим преувеличением, поскольку на сентябрь 1657 г. в приказе числились семь переводчиков немецкого, четыре – польского и пять – латинского языка⁸⁵. В действительности же слова Боуша имели под собой веские основания. Во-первых, он оставался единственным в приказе специалистом, владевшим на достаточном уровне одновременно тремя упомянутыми языками. Во-вторых, многие из его коллег подолгу находились в зарубежных посольствах или несли службу вдали от Москвы – в Новгороде или Пскове. Не будет преувеличением сказать, что на Боуша между 1655 и 1667 гг. легла основная нагрузка в приказных переводах с европейских языков. Сравниться с ним по объему выполняемой работы могли, вероятно, лишь Григорий Колчицкий и Людвиг Ширецкий⁸⁶ –

---

⁸⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 50.

⁸⁵ Данные приведены по: *Беляков А.В.* Служащие... С. 113–114.

⁸⁶ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики...

в отношении польского и латыни и Якоб Виберх, еще один выходец из Курляндии⁸⁷, – в том, что касалось немецкого. Фактически именно эти несколько человек обеспечивали повседневное функционирование внешнеполитического ведомства русского государства в разгар тяжелейшей русско-польской войны, которая повлекла многократный рост объемов дипломатической переписки с европейскими державами.

Карьерный успех Боуша наиболее зримо выражался в размере получаемого им жалованья⁸⁸. При поступлении в Посольский приказ летом 1655 г. его месячный оклад составлял 22 рубля⁸⁹, но уже в течение осени вырос до 25 рублей⁹⁰. Вскоре последовала очередная прибавка до 30, а в марте 1658 г. – до 50 рублей⁹¹. За шведский посольский съезд осени 1659 г. переводчик получил единовременную прибавку в 25 рублей⁹², а уже осенью 1662 г. его оклад достиг 70 рублей, не считая очередной доплаты в 25 рублей за переговоры с поляками в Смоленске⁹³. В 1667 г., во время своей послед-

---

С. 225.

⁸⁷ Там же. С. 81–83.

⁸⁸ Ср. неполные и не всегда точные данные по росту оклада Боуша, приведенные в изд.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 122.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 141.

⁹⁰ Там же. 1655 г. Д. 1. Л. 152, 162; 1662 г. Д. 10. Л. 12.

⁹¹ Там же. 1658 г. Д. 7. Л. 50.

⁹² Там же. 1660 г. Д. 7. Л. 107, 124.

⁹³ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 140, 150.

ней дипломатической миссии, Боуш получал уже 120 рублей в год, являясь, таким образом, самым высокооплачиваемым переводчиком Посольского приказа⁹⁴.

Несомненно, увеличение номинального жалования переводчиков являлось в значительной степени вынужденной мерой правительства, вызванной обесцениванием медной монеты и резким ростом цен, на что неоднократно жаловался автор «Дневника». За период 1660–1663 гг. Боуш подписал как минимум три коллективных челобитных переводчиков об увеличении жалования⁹⁵. Правительство отчасти компенсировало потери своих служащих с помощью денежных придач и натуральных выплат продуктами и сукном, которые Боуш получал с 1658/59 г.⁹⁶ При раздаче соляного жалования на пике порчи монеты в 1661/62 г. Боуш был упомянут прежде всех прочих переводчиков⁹⁷. Осенью 1662 г. он получил в придачу к своему годовому жалованью собольих мехов на сумму 20 рублей⁹⁸. В 1667 г. Боушу, отправлявшемуся к герцогу Курляндии и курфюрсту Бранденбурга, выдали из казны на снаряжение себя и других членов по-

---

⁹⁴ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176; Россия и Пруссия... С. 217. О денежных окладах переводчиков Посольского приказа см.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 119–127.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 7, 138. См. также: *Беляков А.В. Служащие...* С. 125–126.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1658 г. Д. 7. Л. 60; 1659 г. Д. 1. Л. 78. Ср.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 133, 138.

⁹⁷ См.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 118.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 11. Л. 2.

сольства вместе с 300 рублями соболей на 50 рублей⁹⁹.

Как и многие приказные служащие, Боуш отчасти был обязан увеличением жалования отказу от поместного землевладения. Еще при своем поступлении на службу он получил поместный оклад в 400 четей, который номинально числился за ним по меньшей мере до сентября 1662 г.¹⁰⁰ 5 августа 1663 г. Боуш, однако, присягнул в том, «что государева жалованья поместья и вотчин за мною не дано ни приданых, ни купленых, ни закладных и никаких пустошей и земли нет»¹⁰¹. 25 марта 1664 г. государь определил ему «вместо поместья хлеба из дворца по 50 четей ржи, да по 50 четей овса, да во два годы по сукну лундышу доброму, по пяти аршин»¹⁰².

Боуш стал также единственным за все время царствования Алексея Михайловича переводчиком, получившим дом в Китай-городе, в непосредственной близости от Кремля¹⁰³. В марте 1656 г. он сообщал в своей челобитной: «Работаю я, холоп твой, в посольском приказе у твоих государевых дел неотступно, а дворишка, государь, у меня своего нет, скитаюся по чужим дворам, а купить мне нечем, человек бедной,

---

⁹⁹ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176.

¹⁰⁰ Там же. 1662 г. Д. 10. Л. 12, 253.

¹⁰¹ Там же. Л. 237.

¹⁰² Там же. 1663 г. Д. 1. Л. 62.

¹⁰³ О расселении переводчиков Посольского приказа в Москве см.: *Беляков А.В. Служащие...* С. 241.

иноземец. А есть, государь, двор выморочной по переводчику Посольского приказа, по Ивану Боярчикову, оценкой по твоему государеву указу 40 рублей»¹⁰⁴. Переводчик греческого языка Иван Боярчиков, служивший в приказе с 1631 г., действительно умер во время «морového поветрия» 1654–1655 гг.¹⁰⁵ Боушу позволили приобрести оставшийся после него дом по указанной в челобитной «оценке» в 40 рублей с трехлетней рассрочкой. Двор, доставшийся Боушу в собственность, примыкал к Китайгородской стене между сохранившейся доньне церковью Зачатия Пресвятой Богородицы (Анны на Углу) и Москворецкими воротами и составлял более 30 метров в длину и около 15 метров в ширину¹⁰⁶.

В «Дневнике» автор умалчивает о своей семейной жизни, но документы Посольского приказа позволяют восполнить этот пробел, по крайней мере для русского периода жизни Боуша. Его жену звали Ульяна (Ульяница), хотя в одном из приказных документов она, по всей видимости ошибочно, именуется Анной¹⁰⁷. В девичестве Ульяна Федорова дочь Образцова, она была замужем первым браком за неким Иваном Брызгаловым, который служил «в Сибири на Тюмене головою у стрельцов и у казаков», а затем в том же качестве

---

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 183.

¹⁰⁵ Об И. Боярчикове см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики... С. 72–74; *Оборнева З.Е.* Переводчики... С. 52–56.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 6. Л. 2, 5.

¹⁰⁷ Там же. 1674 г. Д. 6. Л. 29.

в Великом Устюге, где и умер, вероятно, в первой половине 1650-х годов¹⁰⁸. После смерти мужа Ульяна перебралась в Москву, где некоторое время была приживальщицей у дьяка А. Козлова, возможно, ее родственника или свойственника¹⁰⁹. От первого брака у Ульяны остался как минимум один сын, достигший юношества или зрелости, – Петр Иванов сын Брызгалов. Зимой 1670 г., уже после смерти отчима, он отправился на богомолье на Белоозеро и был схвачен людьми местного помещика Федора Маклакова, который отобрал у него все пожитки и силой принуждал написать на себя кабальную. Лишь челобитная матери, воспользовавшейся, вероятно, связями покойного Боуша, спасла Петра от более серьезных неприятностей. Именно этому инциденту и последовавшему короткому разбирательству мы обязаны сведениями о происхождении и первом браке Ульяны Боуш¹¹⁰.

Точную дату бракосочетания Василия и Ульяны назвать затруднительно, но, вероятно, она приходится на первые два или три года после поступления Боуша на царскую службу. В декабре 1660 г. он писал в очередной челобитной о прибавке жалования: «з женишкою, и з детишками, и с людишками, сам пятнатцеть, питаюся и домишко свое строю с од-

---

¹⁰⁸ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 121.

¹⁰⁹ Там же. Столбец поврежден на месте, относящемся к имени дьяка.

¹¹⁰ Там же. Л. 121–124.

ного месячного корму»¹¹¹. Очевидно, среди пятнадцати домочадцев Боуш числил, помимо своей семьи, несколько человек прислуги. В челобитной, поданной в июне 1661 г., он отмечал, что ему «з женишкою, и з детишками, и с челядью прокормитца нечем»¹¹². Слуги переводчика сопровождали его и в поездках. Летом 1667 г., когда Боуш отправился к курфюрсту Бранденбурга, Ульяна жаловалась в своей челобитной: «которые... людишки у нас были, и он муж с собою побрал на твою, великого государя, службу», а потому с их двора невозможно выставить людей для обязательной караульной службы¹¹³.

---

¹¹¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7. Л. 107.

¹¹² Там же. Л. 163.

¹¹³ Там же. 1666 г. Д. 2. Л. 176. См. также: память об освобождении Ульяны Боуш от караульной службы (Ф. 210. Оп. 9. Стб. 383. Л. 564).

Смерть в Митаве

К концу весны или первым дням лета (но не позднее 5 июня) 1667 г. относится и последний из известных нам переводов, выполненных Боушем, – краткая записка о титуле испанского короля, поданная немецким полковником на русской службе Кристианом Лубенау фон Лилиенкловом (Крестьяном Любеновым)¹¹⁴. Полный титул уже умершего к тому времени короля Филиппа IV¹¹⁵ Боуш перевел с «немецкого письма», а сокращенный, который использовал при обращении к испанскому монарху император Священной Римской империи, – с латыни. Записка предназначалась для нужд первого в истории русского посольства в Испанию, выехавшего из Москвы 8 июля 1667 г.

Летом 1667 г. и самому Боушу впервые доверили самостоятельную миссию за рубеж к курфюрсту Бранденбурга и герцогу Курляндии¹¹⁶. Едва ли в том, что Боуша долгое время

---

¹¹⁴ Опубликована в изд.: Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: документы и материалы / отв. ред. В.А. Ведюшкин; сост. В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018. С. 222. См. также примечания на с. 273.

¹¹⁵ Все документы посольства адресовались покойному Филиппу IV, а не вступившему на престол Карлосу II, вероятно, дабы избежать возможных ошибок при трактовке полномочий регентов. См.: *Ведюшкин В.А., Рычаловский Е.Е., Флоря Б.Н.* Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 гг. // *Посольство П.И. Потемкина...* С. 21–68 (здесь – с. 30).

¹¹⁶ Документы о миссии Боуша, в том числе его статейный список, опублико-

не посылали к иностранным дворам, можно видеть знак сомнения в его лояльности со стороны руководства Посольского приказа. Переводчиков с наибольшими и быстро растущими окладами в царствование Алексея Михайловича относительно неохотно отправляли за границу¹¹⁷. В этих специалистах слишком нуждались в столице или на длительных посольских съездах, чтобы надолго отпускать их из России. Несомненным признаком доверия, оказанного Боушу, можно считать тот факт, что его путь пролегал через владения герцога Курляндского, чьим подданным он прежде являлся и лояльность к которому мог сохранить.

Боуш и его подчиненные – подъячий Самойла Лисовский, толмач Алексей Плетников и несколько слуг – покинули Москву 21 июня 1667 г. С собой они везли царские грамоты, в которых Алексей Михайлович извещал курфюрста Фридриха Вильгельма и герцога Курляндского Якоба о заключении перемирия с Речью Посполитой и прощупывал возможности союза против Османской империи, которая представляла угрозу и для южных рубежей России, и, как показала австро-турецкая война 1663–1664 гг., для немецких государств. 15 июля Боуш со товарищи прибыли в Митаву, где спустя два дня имели аудиенцию у герцога Курляндского, а уже 16 августа добрались до Берлина. 18 августа Боуш был на приеме у курфюрста Фридриха Вильгельма, а затем

ваны в изд.: Россия и Пруссия... С. 216–328, 430–445.

¹¹⁷ См.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 121.

обстоятельно беседовал с ним¹¹⁸.

Переговоры в Берлине стали высшей точкой дипломатической карьеры Боуша, но жизнь его уже отсчитывала последние месяцы. Еще по пути в Бранденбург ему пришлось задержаться из-за болезни в Штеттине на три дня между 3 и 6 августа¹¹⁹. 23 августа члены посольства выехали из Берлина и, прибыв 27 августа в Штаргард в Померании, слегли все вместе, видимо, вследствие некоей инфекции, от которой Боуш уже не смог полностью оправиться. 20 сентября он продолжил путь в Данциг, куда прибыл 30 сентября по-прежнему больным¹²⁰. 7 октября посольство добралось до Кёнигсберга, где Боуш имел встречу с князем Богуславом Радзивиллом¹²¹. Оттуда Боуш со товарищи через Мемель доехали 22 октября до Митавы. Согласно статейному списку, «посланной... ис Старграда до Нитавы ехал болен, и в Нитаву приехав, лежал вельми болен же. И декабря в 30 день Божиим изволением умер»¹²².

Герцог Курляндский Якоб Кетлер известил главу Посольского приказа, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, о смерти Боуша в своей грамоте от 2 января 1668 г. Приведем неожиданно подробный и, как кажется, сочувственный

---

¹¹⁸ Россия и Пруссия... С. 264–312.

¹¹⁹ Там же. С. 276.

¹²⁰ Там же. С. 312.

¹²¹ Там же. С. 313–321.

¹²² Там же. С. 322.

рассказ герцога о смерти бывшего подданного: «Он прибыл в это место [Митаву на пути в Берлин. – *О. Р.*] в добром здравии, но заболел на обратном пути, так что принужден был от трех до четырех недель лежать в Померании без движения. Когда же, наконец, он почувствовал некоторое улучшение, то вновь двинулся в путь, так что вновь прибыл сюда, но совершенно слабым. Хотя он и оправился вновь, его охватил столь сильный лихорадочный жар, что он принужден был воздержаться от своего путешествия, постоянно ожидая улучшения, которое, однако, не последовало. Ему становилось все хуже несмотря на то, что он не испытывал недостатка в нужных лекарствах, добром уходе и усердной помощи своих слуг, пока, наконец, он не покинул этот мир в прошлое воскресенье, о чем Мы весьма скорбим»¹²³. Члены посольства с телом Боуша добрались до Москвы лишь 8 марта 1668 г.¹²⁴ Место и обстоятельства его погребения остались неизвестны.

Курляндским чиновникам мы обязаны описью имущества Боуша, произведенной в присутствии других членов посольства 12 января 1668 г. и переведенной затем на русский язык¹²⁵. Наряду с посудой, одеждой, предметами обихода и вооружения в описи перечислены многочисленные служеб-

---

¹²³ Россия и Пруссия... С. 433–434.

¹²⁴ Там же. С. 328.

¹²⁵ Немецкий оригинал описи и ее русский перевод, сделанный в Посольском приказе, см.: Там же. С. 435–440.

ные и, возможно, личные документы покойного. Так, в числе пожитков Боуша значился «железом обитой ящик или ларец, в котором всякие разные письма, которого не ворошили» (*ein mit eisen beslagenes schreibpalpett, darin unterschiedene brieffe, welche nicht gerühret worden*)¹²⁶, а также «замкнутой мешечик, в котором того господина посланниковы книги» (*eine verschloßene pudel, warinnen des H. abgesandten bücher sein sollen*)¹²⁷. О содержании этих бумаг полных сведений нет. Известно, что они включали в себя грамоты курфюрста Бранденбургского и герцога Курляндского к царю, а также отчеты, продиктованные Боушем во время болезни¹²⁸.

Велик соблазн предположить, что среди упомянутых бумаг мог находиться и автограф «Дневника» или какие-то материалы к нему, но никаких подтверждений этой догадке у нас нет. Известно, что многие документы, связанные с последней миссией Боуша, в том числе оригинал его статейного списка, не сохранились. Возможно, их сожгли, приписав болезнь переводчика «моровому поветрию» и уничтожив документы, с которыми он тесно соприкасался¹²⁹. Остается неясным, брал ли Боуш рукопись «Дневника» с собой, отправляясь в поездку, или оставлял в надежном ме-

---

¹²⁶ Там же. С. 437, 439.

¹²⁷ Там же. С. 435, 438.

¹²⁸ Там же. С. 441–442.

¹²⁹ Об этом предположении см.: Там же. С. 522.

сте в Москве. Нет ответа и на вопрос о том, каким образом и через какие руки она дошла до коллекционера – Гюйсена, Брюса или иного неустановленного лица, – из собрания которого затем попала в Академию. Едва ли, однако, сослуживцы или начальники Боуша получили доступ к его «Дневнику», поскольку никакого расследования, которое должно было сопровождать подобную находку, начато не было.

Вдова Боуша пережила мужа более чем на двадцать лет, причем обитала по какой-то причине не в оставшемся от него доме в Китай-городе, а в Квасном переулке близ Тверской¹³⁰. Чертеж городских построек между Москворецкими воротами и Зачатьевской церковью с подробной росписью владельцев дворов, составленный между 1669 и 1673 гг., не содержит упоминаний о наследниках переводчика¹³¹. За период до 1689 г. сохранилось несколько челобитных Ульяны Боуш и записей о выплате ей годового жалования в размере 10 рублей и кормовых денег в 17 копеек в день – половину дневного содержания ее мужа в последний год жизни¹³². Это означает, что вдова Боуша не только оставалась жива на протяжении этого времени, но и не вышла еще раз замуж, поскольку в этом случае выплаты были бы

---

¹³⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 121.

¹³¹ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 2. № 4. Чертеж доступен в геоинформационной системе «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». URL: <http://rgada.info/geos2/y> (дата обращения: 01.09.2022).

¹³² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2657, 3874; Ф. 138. Оп. 1. 1689. Д. 4. Л. 25.

прекращены¹³³.

Дальнейшие сведения о детях Боуша, к сожалению, скудны. В челобитной, поданной сразу после смерти мужа, в марте 1668 г., Ульяна упомянула своего сына Гришку¹³⁴. В других прошениях, датированных сентябрем 1669 г. и сентябрем 1673 г., она писала о себе: «з детишками сама-четверта»¹³⁵, следовательно, Боуша пережили трое детей, не считая, очевидно, уже достигшего совершеннолетия пасынка Петра Брызгалова. Иных упоминаний о Григории Боуше (Бауше, Баушеве и т. п.), равно как и о других детях переводчика, найти не удалось. Можно лишь быть уверенным, что сын Боуша не пошел по стопам отца и не сделал, как это иногда случалось с детьми крещеных иноземцев, карьеру в Посольском приказе в качестве переводчика или толмача.

---

¹³³ См.: *Беляков А.В.* Служащие... С. 132.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 8. Л. 1.

¹³⁵ Там же. 1669 г. Д. 8. Л. 75; 1673. Д. 5. Л. 30.

Свой среди чужих, чужой среди своих

Насколько позволяет судить приказная документация, Боуш прожил в России не слишком длинную, но со всех точек зрения удачную жизнь. Перед нами история успеха бывшего пленника, который за несколько лет превратился в ключевого сотрудника важнейшего государственного ведомства, выполнял самые ответственные поручения и каждодневно соприкасался с миром высокой политики. Наконец, это история чужеземца, который обзавелся в России домом и семьей и довольно неплохо интегрировался в местный социум. Содержание «Дневника», однако, рисует нам обратную сторону этого успеха. Мы видим в его авторе человека, вынужденного служить русскому государству, но – во всяком случае, поначалу – ненавидевшего и презиравшего своих хозяев и не скрывавшего перед самим собой сочувствия к бывшим соотечественникам.

Нелестные характеристики русских в «Дневнике» вполне стереотипны и для «россики» раннего Нового времени, и для европейских описаний «чужого» вообще¹³⁶. Автор бичует обитателей русского государства за жестокость, вероломство и гордыню. Несколько раз он акцентирует внимание на сексуальной разнузданности русских и их презрении

---

¹³⁶ См., например: *Poe M.T.* “A People Born to Slavery”. *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

к христианскому браку, побуждавших не только к насилию над пленными полячками, но и к разрушению законных семейных уз. Мы ничего не знаем о семье Боуша до его попадания в русский плен и можем лишь догадываться, не проговаривается ли он здесь о личной драме. Жестокость, раболепие, невежественность русских обращаются в «Дневнике» против них самих, как, например, в основанной, по всей видимости, на ложных слухах истории о казни мальчика, назвавшегося в игре царем, и его родителей (л. 20 об.). Рабская преданность своему государю отличает даже знатнейших из русских вельмож, таких, например, как князь Никита Иванович Одоевский, не пожелавший нарушить царскую волю даже перед смертным одром любимого сына (л. 23 об. – 24).

Если в период 1654–1656 гг. «Дневник» пестрит подобными уничижительными для русских отзывами, то в последующие годы число такого рода инвектив снижается. В некоторой степени причиной тому стал поворот в войне. После 1656 г. русские войска уже не захватывали новые территории, а перешли к далеко не всегда успешной обороне ранее завоеванных земель Великого княжества Литовского, ограничиваясь лишь набегами на собственно польские владения. Вероятно, однако, что постепенная интеграция Боуша в русское общество и его карьерные успехи также сыграли свою роль в снижении эмоционального накала «Дневника». Обвинения русских в жестокости не исчезают из текста полностью

даже в 1664 г., но занимают в нем все менее и менее важное место.

Стоит отметить примечательный сдвиг в словоупотреблении. В первые годы после своего попадания в плен автор «Дневника» наравне с этнонимом «русские» использует также наименование «московиты» (*Moskowiter*) и происходящее от него прилагательное «московитский» (*moskowitisch*). Порой этот экзоэтноним носит очевидную негативную окраску, но иногда употребляется и в нейтральном смысле – для обозначения русских войск и дипломатических представителей. Единожды все русское царство обозначено как «московитское государство» (л. 19 об.). С годами, однако, слово «московиты» постепенно исчезает из авторского лексикона. Уже после 1658 г. оно встречается считанное число раз, а последнее обращение к нему датируется 13 марта 1662 г. (л. 104 об.). Вероятно, автор «Дневника» все более и более попадал в зависимость от московского словоупотребления и в конце концов принял этноним «русские» как единственное конвенциональное обозначение жителей Московского государства.

Говоря о жестокости, гордыне и глупости царских подданных, наш автор, однако, не осмеливается на прямую критику в адрес самого Алексея Михайловича. О царе в «Дневнике» говорится в подчеркнuto нейтральном почтительном тоне, равно как и об иноземных государях – королях Швеции и Дании или императоре Священной Римской империи. Менее

сдержан автор по отношению к русским государственным и военным деятелям. Таких полководцев, как князь Алексей Никитич Трубецкой или князь Иван Андреевич Хованский, он бичует за жестокость и алчность, хотя и отдает в других случаях должное храбрости и искусству этих воевод. В основном, по всей видимости, на польских переводных источниках подробном рассказе о взятии королевскими войсками Вильны в конце 1661 г. «Дневник» не скупится на перечисление жестокостей русского коменданта крепости Данилы Ефимовича Мышецкого, но одновременно признает его стойкость в плену перед лицом неминуемой казни (л. 99–100).

За общим сдержанным тоном «Дневника» мы можем, вероятно, различить симпатии и антипатии его автора по отношению к русским послам, под началом которых ему довелось работать. Так, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин удостоился в тексте неприязненного отзыва за свою якобы вызванную завистью жестокость к собственному сыну (л. 61), а подробный рассказ «Дневника» о свидании Ордина-Нащокина с глазу на глаз с шведским фельдмаршалом Дугласом 5 ноября 1659 г. также выдает иронию в адрес русского дипломата. Напротив, князь Никита Иванович Одоевский изображен в «Дневнике» с уважением, как сторонник мира между Россией и Речью Посполитой, а упоминание о его болезни, вызванной срывом переговоров осенью 1664 г., кажется исполненным искреннего сочувствия

(л. 181–181 об.).

Как уже говорилось, симпатии автора «Дневника» неизменно оказываются на стороне «поляков», т. е., в сущности, всех жителей Речи Посполитой, особенно оказавшихся в русском плену или на завоеванных «московитами» землях. Сочувствие к польским пленным сочетается в «Дневнике» с презрением и сожалением в адрес тех из них, кто, поверив русским посулам о сохранении и преумножении их вольностей, отступился от своего короля и начал служить русскому государю. Подобный ригоризм кажется не вполне уместным в устах человека, который и сам, попав в плен, перешел на службу к русским, обратился в православие и обеспечил себе в России вполне благополучное существование. Возможно, однако, именно в этой внутренней раздвоенности следует искать причины, побудившие Боуша взяться за перо.

Равно непримирим автор «Дневника» и ко всем прочим изменникам Польской короны. Первое место в их ряду занимают запорожские казаки, действия которых трактуется как бунт против законного государя, не заслуживавший поддержки со стороны русского царя. Сходную риторику, несколько смягченную, правда, в сравнении с инвективами против изменников в пользу москвитов, можно видеть и в описании противников королевской власти внутри Речи Посполитой – от гетмана Януша Радзвилла, обратившегося в 1655 г. за поддержкой к шведам, до конфедератов войска Литовского 1661–1663 гг. и гетмана Ежи Любомир-

ского, поднявшего в 1664 г. рокош против короля. Хотя автор «Дневника» и признает, что в двух последних случаях требования со стороны недовольных королем и Республикой были отчасти правомерны, ничто не может оправдать в его глазах вред, наносимый бунтовщиками государству, которое из-за их действий не смогло добиться почетного мира и возместить свои потери первых лет войны.

Описывая сложные политические коллизии внутри Речи Посполитой, автор «Дневника» всегда выступает последовательным сторонником королевской власти. Король Ян Казимир – пожалуй, единственное действующее лицо «Дневника», к которому не обращены даже косвенные упреки. При этом о происходящем при королевском дворе и в центральных органах управления Польского королевства автор очевидно осведомлен хуже, чем о событиях в ставках литовских гетманов или на линии соприкосновения польско-литовских и русских войск. Требование сильной королевской власти кажется до некоторой степени естественным для человека, не укорененного внутри польско-литовского общества по праву рождения и родственных связей, каким, вероятно, был Боуш, но стремившегося при этом в силу тех или иных личных причин ассоциировать себя с Республикой в целом и принимавшего ее политическую культуру.

Если же пытаться найти положительного польско-литовского героя «Дневника», помимо короля, то таковым, вероятно, окажется гетман польный литовский Винцент Гон-

севский, о котором автор отзывается с неизменным почтением. На первый взгляд этот выбор протагониста представляется несколько странным, поскольку военная и политическая карьера Гонсевского была далеко не безупречна. Автор «Дневника» вскользь упоминает о кратком периоде 1654–1655 гг., когда Гонсевский был сторонником Януша Радзивилла и Кейданской унии, и оттеняет этот неприятный для своего героя эпизод инвективами в адрес шведов, вероломно захвативших Гонсевского в плен (л. 16). Попадание Гонсевского, уже в статусе польного гетмана литовского, в русский плен в битве под Верками 11 октября 1658 г. «Дневник» приписывает исключительно вероломству московитов. Слухи о том, что Гонсевский за годы, проведенные в плену, стал сторонником царской власти, наш автор отвергает как необоснованные, а роль гетмана в направленной против короля конфедерации войска Литовского рисует как посредничество, служившее якобы восстановлению внутреннего единства Речи Посполитой. Убийство конфедератами Гонсевского и его товарища Казимира Журонского описано в «Дневнике» с почти художественной выразительностью (л. 112–113)¹³⁷. Эта нескрываемая симпатия столь необычна для «Дневника», что невольно заставляет предполагать некую связь между его автором и Гонсевским. Воз-

---

¹³⁷ Об убийстве Гонсевского и Журонского см.: *Rachuba A. Zabójstwo Wincentego Gosiewskiego i jego polityczne następstwa // Przegląd Historyczny. 1980. T. 71. Nr. 4. S. 705–725.*

можно, Боуш до 1654 г. в той или иной форме состоял на службе у будущего гетмана или входил в его клиентелу, хотя подобные предположения, разумеется, носят сугубо спекулятивный характер.

В мастерской историка

Хотя при первом чтении кажется, что подневные записи в «Дневнике» синхронны событиям, а «Дополнения» составлялись в конце каждого года, в действительности картина была более сложной. Боуш определенно редактировал свои записи, порой спустя довольно продолжительное время. Нередко события в «Дневнике» датированы с опозданием в несколько дней, вероятно, тем числом, когда Боуш делал записи. Обратные ситуации редки. Наибольшее хронологическое расхождение с другими источниками относится к приезду в Москву польского посланника Петра Галинского. Согласно русским документам, посланник прибыл в столицу 4 апреля 1656 г., в то время как «Дневник» относит его появление там к 16 марта (л. 19 об.). Столь ранняя датировка не имеет аналогов в «Дневнике» и, возможно, стала следствием ошибки самого Боуша или переписчика.

Порой подневные записи включают информацию о событиях, произошедших после названной в «Дневнике» даты. Так, запись от 26 ноября 1664 г. рассказывает о комете, появившейся в те дни над Москвой, и заканчивается описанием ее угасания к 18 января следующего, 1665 года (л. 182). Характерно это и для некоторых погодных «Дополнений». «Дополнение» 1658 г. включает краткое сообщение об осаде Ковно литовским ополчением вплоть до снятия этой оса-

ды, пришедшегося на февраль следующего, 1659 года (л. 62). Очевидный рекорд такого рода представляет собой рассказ о пленении шведскими войсками герцога Курляндского Якоба с семьей в Митаве. В «Дневнике» этот рассказ помещен в «Дополнении» к 1658 г., но заканчивается упоминанием об освобождении герцога полтора года спустя по условиям Оливского мира 23 апреля 1660 г. (л. 62 об. – 63).

Некоторые нарушения хронологии автор «Дневника» допускает внутри «Дополнений», где точные датировки отсутствуют. Иногда эти искажения можно объяснить его ошибками. В других случаях автор, вероятно, сознательно меняет события местами, выделяя важнейшие из них. Так, в «Дополнении» к 1661 г. речь идет сначала об образовании конфедерации войска Литовского в сентябре 1661 г., победе, одержанной ею над русскими при Кушликовых горах 25 октября, и взятии польско-литовскими войсками Вильны в начале декабря, а лишь затем – о менее значимой в военном и политическом отношении потере русскими Могилева и Дисны в феврале-марте того же года (л. 100 об. – 101). Вообще же в «Дополнениях» зачастую отдается предпочтение географическому, а не хронологическому принципу, с последовательным обзором ключевых событий в отдельных регионах без строгого соблюдения временной последовательности.

Хотя значительная часть сведений «Дневника» основана на личных наблюдениях, его автор также пользовался разно-

образными устными и письменными источниками. В пересказе слухов он был достаточно осторожен, и очевидно ложные сообщения в его тексте, такие как уже упоминавшийся рассказ о казни ребенка за «игру в царя» (л. 20 об.) или известие о не имевшем в действительности места восстании в Астрахани в 1663 г. (л. 113 об.), довольно редки. Обращает на себя внимание и аккуратность нашего автора в работе с количественными данными. В большинстве случаев приводимые им сведения о численности войск, если только речь не идет о плохо поддававшихся исчислению, а потому вызывавших чрезмерный страх войсках крымского хана, не слишком сильно отклоняются от подсчетов современных историков. Точен автор также в оценках расстояний и, по всей видимости, в сведениях о ценах и изменении стоимости монеты.

В ходе своей службы в Посольском приказе Боуш постоянно имел дело с разного рода дипломатической корреспонденцией. «Дневник» почти на каждой странице обнаруживает следы подобной повседневной работы. В особенности она очевидна в записях за последний, 1664 год, в которых неоднократно пересказывается переписка между русскими и польскими послами. Упоминает автор «Дневника» и некие «книги», т. е. рукописные, а возможно, и печатные сборники, содержавшие государственные договоры и иные правовые тексты, к которым послы с обеих сторон апеллировали в ходе переговоров (л. 162). Помимо «книг», в «Дневнике»

используются «известия» (*Zeitungen*), устные и письменные, которые получал Посольский приказ в Москве или русские представители на посольских съездах.

Сведения из Западной Европы в «Дневнике» подвергались некоторому отбору. В тексте упоминаются события, прямо или косвенно влиявшие на ход русско-польского конфликта. Так, о противостоянии Дании и Швеции в рамках Северной войны 1655–1660 гг. говорится достаточно подробно, включая упоминания военных действий в Голштинии и Померании и даже маневров английского и голландского флотов в Северном море (л. 72 об.). Неудивительно, что единственным немецким князем, который неизменно пользуется вниманием автора, остается курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм, игравший важную роль в шведско-польской войне 1655–1660 гг. В остальном же события в Священной Римской империи германской нации не интересуют автора «Дневника», если не считать короткого сообщения о вторжении в чешские земли турецких и татарских войск в 1663 г. (л. 134–134 об.). Подробный рассказ о переговорах русских бояр с английским послом графом Карлайлом в Москве в 1664 г. по необходимости включает в себя некоторые пассажи, касающиеся недавней истории Англии, но очевидно, что тема эта автору не близка. О романской Европе – Франции, Италии и Испании, событиями в которых Посольский приказ не занимался в повседневном режиме, – в «Дневнике» не говорится вовсе. Сообщения же

источника об исламских странах ограничиваются краткими упоминаниями о приезде в Москву крымских и персидских послов, а также рассказами о походах крымских и османских войск против России и земель Габсбургов.

Сложнее обстоит дело со свидетельствами, которые автор «Дневника» мог собрать в личных разговорах. Разумеется, в жалобах автора на обесценивание приказных окладов вследствие распространения медных денег в начале 1660-х годов можно усмотреть не только его личное недовольство, но и выражение некоторого совокупного мнения коллег. К огорчению историка, «Дневник» почти ничего не сообщает о событиях внутри Посольского приказа, если не считать предельно краткой заметки об опале Алмаза Иванова в связи с ратификацией Кардисского мира 1661 г. (л. 118–118 об.). В остальном же Боуш избегает упоминать своих сослуживцев, в особенности умалчивая о деятельности переводчиков и называя последних по имени только в тех случаях, когда они входили в официальный штат посольств или выполняли самостоятельные миссии за рубежом в качестве гонцов и посланников. Едва ли, впрочем, на основании подобных умолчаний можно сделать вывод о характере отношений автора «Дневника» с коллегами. Верно лишь, что он или не получал от них сведений об их работе или по каким-то причинам предпочел скрыть этот факт от читателя.

Хотя структура «Дневника», его основные темы и диапазон использованных источников на протяжении десяти

лет оставались неизменными, нельзя не отметить некоторую интеллектуальную эволюцию автора. О смягчении критики в адрес «москвитов» и отказе от самого этого экзоэтнонима уже говорилось. Еще более значимо изменение характера изложения в «Дневнике» дипломатических переговоров. В первые годы автор занят преимущественно формальной стороной происходящего, уделяя первостепенное внимание вопросам церемониала и титулатуры. Рассказ о первом в жизни автора посольском съезде под Вильной в 1656 г. кажется по сравнению с русскими и польскими источниками несколько плоским, отражающим внешние проявления дипломатической борьбы. Сообщение о переговорах в Дуровичах восемь лет спустя, напротив, детально воспроизводит аргументацию обеих сторон по ключевым вопросам о границах, причинах войны и перспективах выхода из нее. Вероятно, по мере накопления автором опыта рос у него и интерес ко все более подробному и вдумчивому анализу дипломатических хитросплетений – не случайно описание событий 1664 г. занимает около трети всего объема «Дневника».

«Дневник» в поисках читателя

Каковы же были причины, заставившие Боуша в 1654 г. взяться за перо и не прекращать своей тайной работы в течение как минимум десяти лет, за которые сохранились записи, а по всей вероятности, и большего времени, возможно, вплоть до самой смерти в конце 1667 г.? Конечно, отчасти его поведение, вероятно, объяснялось внутренней потребностью. Написание подобного рода текста могло стать способом переживания травмы, нанесенной пленом и последующей службой в чужой стране врагам тех, кого автор считал «своим» сообществом. Обратим, однако, внимание на то, что «Дневник», по крайней мере в некоторых своих фрагментах, ориентирован на стороннего читателя, не вполне знакомого с московскими реалиями, как, например, в авторском комментарии о погребальных обычаях русских (л. 64). Многочисленные русские и польские наименования придворных, военных и государственных должностей, равно как и географические названия, однако, остаются без подобных пояснений – то ли вследствие небрежности автора, то ли из-за того, что предполагаемый читатель не должен был испытывать сложности при их понимании.

По своему содержанию и стилистическим особенностям «Дневник» довольно плохо соотносится с современными ему европейскими, и в частности немецкими, источниками

личного происхождения¹³⁸. Хотя повествование в них и ведется от первого лица, их авторы, как правило, встроены в более широкие структуры воспроизводства коллективной памяти внутри семьи, рода, сельской или городской общины или же определенной корпорации – будь то монастырь или воинская часть. Текст Боуша в этом смысле имеет мало общего с современными ему немецкими образчиками дневникового или мемуарного жанра. Ничто не указывает на то, что автор рассчитывал передать свои записи детям или иным способом сохранить в семье. Нет никаких свидетельств того, что дети Боуша от его русской жены знали немецкий и имели бы желание и возможности для чтения такого рода.

Потенциальный читатель «Дневника» мог быть иностранцем, неплохо ориентировавшимся в русском контексте. В XVII в. зафиксированы несколько случаев, когда переводчики Посольского приказа тайно передавали сведения, полученные ими по служебной надобности, иностранным послам или резидентам¹³⁹. В отношении Боуша подобные подозре-

---

¹³⁸ См., например: *Krusenstjern B. von. Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Beschreibendes Verzeichnis.* Berlin: Akademie Verlag, 1997.

¹³⁹ Некоторые примеры см. в: *Луцейцев Д.В.* Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // *Иноземцы в России в XV–XVII веках: сб. материалов конф. 2002–2004 / отв. ред. С.П. Орленко.* М.: Древлехранилище, 2006. С. 241–252; *Лаврентьев А.В.* Переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс и его потомки в России // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 25. 1994. С. 94–102 (здесь – с. 98); *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены

ния неизвестны, хотя многие страницы «Дневника» и выглядят как подборка информации для передачи за рубеж. Против такого предположения, однако, есть как минимум два аргумента. Во-первых, в «Дневнике» пропущены некоторые важные эпизоды карьеры Боуша, как, например, уже упоминавшееся посещение царских покоев в качестве толмача немецких докторов. В этом отношении бросается в глаза контраст между «Дневником» и современными ему записками сослуживца Боуша по Посольскому приказу подьячего Григория Карповича Котошихина, который, работая по заказу шведского правительства, не скупился на подробности внутренней жизни московского двора¹⁴⁰. Во-вторых, многие части «Дневника», особенно в «Дополнениях», выходят далеко за пределы простой фиксации событий и предлагают читателю почти художественное повествование, законченное композиционно и стилистически, но вторичное по отношению к иным источникам, зачастую иностранного происхождения.

Автор «Дневника», по крайней мере с определенного момента, не просто собирал сведения, относящиеся к внешней политике России, но и составлял рассчитанную на относительно широкого читателя историю войны России и Речи Посполитой. Его текст сочетает в себе черты сразу несколь-

---

в Москву... С. 147.

¹⁴⁰ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб.: Издание археологической комиссии, 1884.

ких типов исторического повествования раннего Нового времени. Дневниковая форма и структура отдельных подневных записей восходят к официальным дипломатическим отчетам, равно распространенным в немецкой, польской и – в качестве важного составного элемента статейных списков – русской политической культуре XVII столетия. В Речи Посполитой подобные записи могли включаться в личные дневники или стилизованные под них переработанные позднее отчеты отдельных дипломатов, которые, выступая в качестве частных лиц, добавляли к официальным сведениям собственные впечатления¹⁴¹. Наконец, «Дневник», в особенности в «Дополнениях», приближается к компилятивным историческим сочинениям, основанным на широком круге источников и предлагавшим панорамное видение истории Европы – таким как, например, многотомное немецкое издание *Theatrum Europaeum*, выпускавшееся на протяжении всего XVII в.¹⁴²

Необычным делает «Дневник» позиция его автора по отношению к описываемым событиям. Его взгляд из Москвы определен и подбором источников, и личным опытом,

---

¹⁴¹ См. некоторые примеры, относящиеся ко времени русско-польской войны 1654–1667 гг.: *Chrapowicki J. A. Duariusz. Cz. 1: Lata 1656–1664 / Oprac. Tadeusz Wasilewski. Warszawa: Pax, 1978; Medeksza S.F. Księga pamiętnicza...; Бростовский П.К. Дневник дороги на комиссию в Вильну 1656 года с самого акта комиссии наскоро списанного / пер. Д.А. Подгурского // Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 483–542.*

¹⁴² *Theatrum Europeaum. Bd. 1–21. Frankfurt a/M: Matthäus Merian, 1635–1738.*

и – чем дальше, тем больше – его интересами как дипломата и историка. Вместе с тем главными субъектами истории в том виде, в каком она предстает в «Дневнике», выступают две общности, ни с одной из которых автор не может себя ассоциировать в полной мере. Первая – это «польский народ», от которого автор оторван географически и политически, а в известном смысле и лингвистически. Вторая – русское государство, которому он служит, не питая к нему никакой привязанности и будучи полностью чужим для его населения и элиты по вере, культуре и политическим идеалам. Эта трагически ощущаемая двойственность создает в «Дневнике» невысказанное внутреннее напряжение, очевидное за скрупулезностью дипломатических отчетов, клишированными инвективами в адрес «московитов» и похвалами польскому королю.

Мы не беремся судить, рассчитывал ли Боуш на то, что его труд когда-либо увидит свет в виде печатной книги или в рукописных копиях. Едва ли он питал надежду переправить свою рукопись за пределы России для издания или распространения, не рискуя при этом своей приказной службой. Сам переводчик мог строить планы побега, но не воспользовался ими в последние месяцы жизни из-за привязанности к оставшейся в Москве семье либо по иным причинам. Так или иначе, о «Дневнике», по всей видимости, не узнали ни современники Боуша, ни потомки, исключая нескольких академиков времен императрицы Анны. Можно только на-

деяться, что настоящее издание, осуществленное более чем через три с половиной столетия после смерти автора, найдет своего читателя.

Дневник войны русских и поляков (1654–1664)

Год 1654

4 августа князь Яков Черкасский отправился со своей армией и со всеми присоединившимися к ней войсками из Копыси, оставив там Трубецкого, переправился под Оршей через Днепр и расположился лагерем на другом берегу близ Дубровны. Русские вскрыли склепы, бывшие в монастырях в Орше, выбросили останки из гробов, положили в них своих воинов, павших в стычке под Шкловом, и отослали в Москву, чтобы похоронить их там.

5 августа пришел приказ от Его Царского Величества, который стоял с главной армией под Смоленском в укрепленном лагере на Девичьей горе и обложил крепость, чтобы Черкасский со своей армией и присоединившимися к нему войсками возвратился под крепость Дубровну, выбрал из своих войск шесть тысяч лучших всадников и отослал Трубецкому, которому было приказано преследовать бежавшего генерала Радзивилла.

13 августа польских пленников доставили из войск боярина Василия Петровича Шереметева, стоявших под Полоцком,

в главную армию под Смоленск. Среди пленных был высококородный Петр Беганьский, подкоморий полоцкий, взятый в плен в стычке под Глубоким.

14 августа под Смоленск к армии прибыли тысяча конных казаков от Золотаренко. Их встретили с большой радостью.

В ночь с 15 на 16 августа враг атаковал крепость Смоленск решительным приступом.

16 августа приступ прекратился с большим уроном для врага, потерявшего более шести тысяч человек, и т. д.

24 сентября из Никольского монастыря¹⁴³ прогнали монаха по имени Варлам, который ночью объезживал у крестьянина кобылок¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Вероятно, здесь и далее, в записях за 1655 г. имеется в виду Никольский Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь в деревне Возмище под Волоколамском.

¹⁴⁴ Использованный в немецком оригинале глагол *bereiten* предполагает, по всей видимости, сексуальный подтекст.

Дополнение к 1654 году

В этом году Его Царское Величество выступил из Москвы, своей резиденции, с мощной армией в триста тысяч человек¹⁴⁵ и превосходной артиллерией из стенобитных орудий и искусно сделанных мортир и лично направился с главной армией под крепость Смоленск. Во время этого похода сдались Дорогобуж и Белая, два укрепленных замка. Крепость Смоленск же осаждали вплоть до того, как она принуждена была сдаться в соответствии с соглашением, не рассчитывая больше на свои малые силы перед лицом превосходящих сил врага, после приступа, в котором русская сторона потеряла около шести тысяч человек. Воеводу Филиппа Обуховича, полковника Вильгельма Корфа со своим полком пехоты, подполковника фон Тизенхаузена с полком генерал-цейхмейстера Гонсевского, а также часть дворян, не желавших покориться русскому игу, по соглашению отпустили в Литву со всеми своими домочадцами. Оставшиеся дворяне и часть рядовых солдат, которым в русских дипломах, написанных золотом, были обещаны великие вольности, подпали под ярмо русского рабства и, хотя и имели вначале некоторую сво-

---

¹⁴⁵ Очевидно баснословная оценка численности войск. Современные историки оценивают численность царских войск в Смоленском походе более чем в 40 тысяч человек, а общих русских сил в кампании 1654 г. не более чем в 100 тысяч человек. См.: *Курбатов О.А.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019. С. 20.

боду, в конце концов потеряли все разом. С ними обошлись намного более сурово, чем они могли себе представить.

Граждане Могилева отправили при подстрекательстве вероломных казаков посольство к Его Царскому Величеству под Смоленск и добровольно сдались под русскую защиту, получив, согласно грамотам, великие вольности, которые сохраняли долгое время против всяких ожиданий. Гомель, Кричев, Рославль и другие крепости Северской земли на Соже, переметнулись к казакам нежинского полковника Ивана Золотаренко¹⁴⁶. Себеж, Невель, Полоцк, Велиж¹⁴⁷, Дисна и другие крепости на Двине сдались русскому воеводе боярину Василию Петровичу Шереметеву, который действовал в тех местах с новгородским войском в сорок тысяч человек, и все были заняты русскими гарнизонами. Витебск, оборонявшийся храбро и доставивший врагу довольно неприятностей, был взят Шереметевым после длительной осады поздней осенью, когда Смоленск уже давно был сдан. Замок, в котором дворяне и солдаты укрылись после завоевания города, сдался, наконец, под тем условием, чтобы все, кто не пожелает оставаться под русской властью, имели свободу выезда в Польшу, Литву и куда бы кто ни пожелал со всем имуществом и домочадцами. Однако, хотя после сдачи крепо-

---

¹⁴⁶ В действительности Кричев сдался полковнику Константину Поклонскому, а Рославль – князю Алексею Никитичу Трубецкому. Золотаренко взял лишь Гомель и некоторые другие крепости на Соже. См.: Там же. С. 21.

¹⁴⁷ В действительности воевода Матвей Васильевич Шереметев взял Велиж лишь в июне следующего, 1655 года.

сти всем не пожелавшим остаться было позволено собраться в дорогу и майор Вольф отправился со шквadroной¹⁴⁸ драгун сопровождать их, когда они уже были в пути, египтяне сообразили, что отпустили народ Израиля¹⁴⁹. В спешке приказали вновь схватить их и взять под стражу. Все их имущество отобрали, а их самих с женами и детьми увели в бедственное рабство. Другие же, выказавшие русским послушание и повиновение, остались невредимыми со всеми своими домочадцами и имуществом и пользовались рабской вольностью в той мере, в какой это возможно. Крепость Мстиславль также покорилась и сдалась в короткое время, когда осада не продлилась и двух недель, боярину и генералу князю Алексею Никитичу Трубецкому и его товарищам. Весь ее гарнизон, в том числе большое число знатных дворян, которые бежали туда из различных мест, жестоко вырезали. Часть выживших женщин и детей разделили между солдатами для вечного рабства, знатные женщины и девицы подверглись надругательству, так что судьба их была весьма плачевна. Горы, Копысь, Шклов и другие замки на Днепре сдались тому же генералу и остались нетронутыми, не считая того, что некоторых из дворян и горожан, показавшихся подозрительными, взяли в плен и увели в Москву, а их имущество отобрали. Крепость Дубровна на Днепре, выдержав

---

¹⁴⁸ Шквadroна – тактическая единица, включавшая в себя от двух до четырех рот (ок. 150–300 драгун или рейтар).

¹⁴⁹ Аллюзия на Исх. 8: 1.

много вражеских нападений, жестоких приступов и долгую осаду, но не ожидая подмоги и не будучи более в состоянии выдерживать непрестанный натиск врага, сдалась в конце концов генералу Трубецкому на определенных условиях, скрепленных высокими клятвами, но весьма скверно исполненных. После того как крепость сдалась под честное слово, вверив свое благополучие вероломному врагу, тот жестоко вырезал тысячу человек без малейшего сожаления, разграбив все имущество и добро. Прочих же, избегнувших острого меча ценой горьких стонов и жалоб, он раздал немилосердной солдатне, которая увела их, горестно стенавших, на продажу в вечное рабство. В конце концов он разорил прекрасный графский город¹⁵⁰, предав его огню и обратив в развалины.

Литовская армия под началом генерала князя Януша Радзивилла, которую перед тем обратил под Шепелевичами в бегство русский генерал Трубецкой, не смогла собраться вновь в этом году из-за великого нестроения и непослушания сельских жителей. Вследствие этого войска московитов оставались хозяевами на реке Двина, заняв все укрепленные места и крепости усиленными гарнизонами и назначив во вновь завоеванные пограничные города губернаторов, которые надзирали за оставшимися поляками и то тут, то там обрекали их на страдания и постепенно душили под раб-

---

¹⁵⁰ Дубровна принадлежала роду Глебовичей, имевших титул графов Священной Римской империи.

ским ярмом. Его Царское Величество же с главной армией и другими войсками, бывшими под началом бояр и генералов, из которых немногие остались на границе, чтобы охранять ее безопасность, отправился с великой радостью и торжеством назад в Москву, с тем чтобы наилучшим образом подготовить следующей весной военный поход и упрочить достигнутую победу.

В русском государстве свирепствовала в этом году столь жестокая заразная болезнь, именуемая чумой, что многие города, села и деревни совершенно вымерли и опустели. Только в столичном городе Москве умерли более семисот тысяч человек из числа благородных¹⁵¹, не считая простого люда, среди которого многие сгнили без погребения и имена их остались в неизвестности. Этот мор начался в столичном городе Москве и в близлежащих городах, селах и деревнях в марте и длился вплоть до января¹⁵². Русские, однако, восполнили эти тяжелые потери своих подданных – в польских землях, откуда они вывели в этом году многие тысячи пленных мужчин и женщин, благородных и неблагород-

---

¹⁵¹ Безусловно преувеличенное число умерших. Современные оценки числа жертв чумы 1654–1655 гг. в Москве весьма приблизительны и разнятся от 6 тысяч до 300 тысяч человек. См.: *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: в 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. Т. 1. С. 154; *Alexander J.T.* Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Baltimore, MD; L.: John Hopkins University Press, 1980. P. 18.

¹⁵² В действительности чума в Москве длилась с сентября 1654 г. по январь 1655 г.

ных, сделав их рабами взамен умерших. Видит Бог, людей в Москве продавали много дешевле, чем неразумную скотину. Знатнейшие лица мужского пола стоили до десяти польских флоринов¹⁵³, в лучшем случае четыре рейхсталера¹⁵⁴. Женщин же, если они были хоть немного красивы, оценивали дороже, поскольку русский народ весьма склонен к похоти, продавали для поругания и разврата и обращались с ними много хуже, чем со зверьми. Один, используя их для своего удовольствия, продавал другому за меньшую цену, чтобы выгадать на этом сушие гроши. Хозяева, потешившись вдоволь, отдавали жен и дочерей знатных людей благородного звания в жены подлым людям и отребью, которых у них зовут холопами, несмотря на то что у многих жен еще были живы мужья в рабстве у других господ, которые равным образом принуждали их взять других рабынь в жены на место прежних. Вообще русские обходились с поляками столь жестоко, что скорее смилостивились бы над собакой или иным животным, чем над людьми из этого народа. В особенности же тяжело пришлось женщинам и девушкам благородного звания, которым не оказывали никакого сострадания, презрев их высокое сословие, дворянские свободы и добродетели, которыми они славились. Напротив, их унижали

---

¹⁵³ Польский злотый (*floren, Gulden*) – золотая монета номиналом ок. 3,5 г золота или эквивалентная ей серебряная монета.

¹⁵⁴ Рейхсталер (*Reichsthaler*) – серебряная монета номиналом ок. 27 г серебра, чеканившаяся в немецких землях, или ее восточноевропейские аналоги и продукты перечеканки (ефимки).

и мучили самым жестоким образом, о каком только можно помыслить. К тому же великая удача московитов, которой они пользовались в этом году в войне с поляками, завоевав за столь короткое время и без всякого сопротивления столь многие сильные крепости и заняв и подчинив себе столь обширную часть страны, преисполнила их такой гордости и спеси, что они совсем забыли, что сами смертны. Напротив, они совершенно уверились, что им как храбрейшим, мужественнейшим, умнейшим и во всем превосходнейшим людям надлежит главенствовать и быть хозяевами над поляками и всеми прочими народами даже и на небе, которое они закрывают всем прочим народам и оставляют одним лишь себе. Они не хотели и думать о том, что удача может изменить им и поляки когда-нибудь ускользнут из-под их власти, так что никому не было позволено вести об этом речь. Если же кто, в особенности из числа польских пленников, по своему безрассудству начинал рассуждать о том, что не стоит доверяться счастью, того наказывали самым жестоким образом как предателя и врага Его Царского Величества и его государства, подвергая мучениям и обрекая на смерть. Посему с бедными пленниками обращались столь немилосердно, что их страдания и нужда пробудили бы сочувствие в самых жестоких сердцах, будь они сделаны из цельного камня. Однако среди этого народа, который столь прославляет свои христианские добродетели и никого другого под солнцем не признает достойным христиан-

ского имени, нечего было и надеяться на сострадание и милосердие.

Год 1655

4 января к воеводе привели настоятеля монастыря, называемого Левчин¹⁵⁵ и лежащего в миле¹⁵⁶ от Волоколамска, обвинив его в том, что он сделал жену одного мельника своей любовницей и ее видели с ним в его монастырской келье. Поскольку, однако, воевода не мог управлять это дело, монаха с мельничихой отослали к патриарху.

5 января схватили другого монаха из монастыря Возмище, находящегося рядом с замком¹⁵⁷, за то, что он, будучи в церкви, содомитским образом замучил до смерти некоего мальчика. Его также отослали в столичный город Москву к патриарху. Однако у этого народа не наказывают смертью все подобные преступления, так что обоих этих монахов продержали некоторое время на покаянии в других монастырях, где они в качестве наказания должны были просеивать муку, и в конце концов отпустили.

11 марта Его Царское Величество выступил из своей ре-

---

¹⁵⁵ Идентифицировать монастырь не представляется возможным. До монастырской реформы 1764 г. в Волоколамске и его ближайшей округе действовали пять монастырей – Власьевский, Варварский, Крестовоздвиженский, Возмищенский и Иосифо-Волоцкий, – но ни один из них ни по собственному названию, ни по топонимике своего расположения не может быть соотнесен с упомянутым в «Дневнике».

¹⁵⁶ Здесь и далее имеется в виду немецкая миля длиной около 7,5 км.

¹⁵⁷ То есть с Волоколамским Кремлем.

зиденции Москвы со своими советниками и всем войском. Патриарх и все духовенство сопровождали его с крестами, иконами и великим колокольным звоном вплоть до предместий на той стороне реки Москва. Лагерь в ту ночь разбили на Воробьевых горах в миле от города.

1 сентября вернулись в Москву подьячий или писарь Яков Ильич Поздышев и толмач Юрген Буххольц, посланные с письмом Его Царского Величества к Его Княжеской Милости герцогу Курляндскому.

13 сентября здесь взяли под стражу и отправили в Казань ливонца Иоганна Гута.

7 октября сюда, в Москву прибыли посланники Римского императора Аллегретто де Аллегретти и Иоганн Дитрих фон Лорбах со свитой в тридцать человек. Их торжественно приняли со следующими церемониями. Прежде всего, десять тысяч всадников в полном вооружении выехали навстречу им на четверть мили за Тверское предместье и выстроились шеренгами в ожидании прибытия послов по обеим сторонам проторенной дороги с развевающимися знаменами. Наконец, послали конюшего с оседланными царскими лошадьми для обоих послов и их дворян. Увидев послов, он отправил к ним толмача, предложив, поскольку он явился с лошадьми Его Царского Величества, чтобы те вышли из кареты и пересели на лошадей. Он же, в соответствии с приказом, не должен был сходить с лошади прежде, чем они начали покидать карету. Когда они вышли, он с немноги-

ми словами подвел каждому хорошо снаряженную лошадь, а сам стоял, пока они усаживались на лошадей. После этого он также сел на лошадь и неторопливо поехал перед ними. Когда же они немного отъехали от этого места, их встретили назначенные приставы, но, прежде чем приблизиться, остановились на расстоянии пистолетного выстрела и послали к ним, сообщая о готовности принять их. Те, однако, должны спешиться, а сами приставы сделают это после и примут их согласно данному им приказу. Послы же изволили сказать, что им как гостям не подобает спешиваться первыми и что сначала это должны исполнить те, кому велено их встретить и принять, после же тех они исполнят это незамедлительно. Приставы ни в коем случае не желали этого делать, настаивая, что их великому государю, Его Царскому Величеству, не доставит чести, если они спешатся первыми, поскольку здесь, в России, с давних пор заведено, что послы и посланники иностранных государей оказывают честь Его Царскому Величеству и спешиваются прежде приставов. Этот спор длился довольно долго, пока обе стороны не пожелали разом, чтобы другие спешили. Императорские послы не соглашались с этим, указывая, что всегда надлежит встречать гостя с честью, как и они бы поступили, если бы послы Его Царского Величества были отправлены к Его Императорскому Величеству, оказав тем честь, приличествующую гостям. Поскольку, однако, час был уже поздний, а погода дождливая и не пристало дольше спорить о таких вещах

под открытым небом, послы соблаговолили на этот раз спешиться одновременно, не умаляя, однако, высокой чести Его Императорского Величества¹⁵⁸. После этого пристав начал свою речь: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великая, Малая и Белая России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество пожаловал послов великого государя Фердинанда III, избранного Римского императора¹⁵⁹, и приказал спросить об их здоровье и как прошло их путешествие. Поскольку же он сейчас находится не на месте, в царствующем городе Москве, а занят военным походом против своего врага, короля Польского Казимира, то он сделал распоряжение через своего сына, высокородно-го царевича и великого князя всея Великая, Белая и Малая России Алексея Алексеевича, чтобы мы, стольник Его Цар-

---

¹⁵⁸ Согласно донесениям императорских дипломатов, первыми все же спешились русские представители. См.: *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву в 1655 году / пер. К. Петковича // *Русский вестник.* 1869. № 9. С. 137–165 (здесь – с. 146–147); *Шварц И., Аугустинович Х.* Отношения Габсбургов с Россией и Украиной в период международного кризиса середины XVII в. // *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.* / отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Гуманитарий, 2007. С. 231–310 (здесь – с. 249–250).

¹⁵⁹ Автор «Дневника» использует титул «избранный Римский император» (*erwählter Römischer Kaiser*), применявшийся императорами Священной Римской империи с 1558 г., когда для утверждения титула стали считаться достаточными выборы курфюрстами и следующая за ними коронация во Франкфурте-на-Майне.

ского Величества Василий Семенович Волынский и я, дьяк N.¹⁶⁰, приняли вас, послов Его Императорского Величества, сопровождали на посольский двор и были вашими приставами». На этом они подали ему руку и вновь уселись на коней, так что и тут дошло до спора о старшинстве. Приставы, в соответствии с данным им приказом, желали ехать справа, послы же не собирались уступать. В конце концов остановились на том, чтобы оба посла ехали посередине, стольник Волынский – по правую, а дьяк – по левую руку от них. В таком порядке они подъехали к Тверским воротам, за которыми по обеим сторонам улицы, ведущей к посольскому двору, стояли мушкетеры¹⁶¹. Впереди ехали шеренгами и под различными знаменами несколько тысяч человек из числа тех, кто выезжал из города для встречи послов, а за ними – приставы с послами. Так их сопровождали до посольского двора, приставы же въехали внутрь на двор и указали им их квартиры, которые были предназначены для всей их свиты.

28 октября в Москву прибыли королевские шведские послы государственный советник господин Густав Бьельке, генерал-майор господин Александр фон Эссен и земский советник господин Филипп фон Крузенштерн со свитой в 145 человек. Их приняли и сопровождали с теми же це-

---

¹⁶⁰ Дьяк Никита Головин. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 280.

¹⁶¹ Здесь и далее под мушкетерами (*Musquetierer*) автор «Дневника» подразумевает русскую пехоту иноземного строя, в то время как для обозначения стрельцов используется русизм *Strelitzen*.

ремониями, что и господ императорских послов.

30 ноября подняли вновь отлитый большой колокол весом в десять тысяч пудов по русской мере¹⁶². Один русский пуд содержит 32 любекских фунта¹⁶³. Язык этого колокола, сделанный из железа, должны раскачивать сто человек. Колокол еще нельзя трогать, поскольку не готова колокольная, которая его выдержит.

10 декабря Его Царское Величество с боярами и всем войском, пройдя всю Литву вплоть до Вильны и приведя под свою власть этот город и все Великое княжество Литовское, прибыл с большим торжеством в Москву, где его с радостью и ликованием встречали все духовенство и простой люд.

18 декабря назначили прием императорским послам¹⁶⁴. В соответствии с этим по обеим сторонам улицы, ведущей от двора, на котором они остановились, выставили мушкете-

---

¹⁶² Имеется в виду так называемый Большой Успенский колокол. Согласно русским источникам, вес колокола составлял около 8000 пудов.

¹⁶³ Автор «Дневника» дает несколько заниженное значение русского пуда (ок. 16,4 кг) в отношении к любекскому фунту (ок. 485 г). Иоганн Филипп Кильбургер в 1674 г. считал русский пуд равным приблизительно 35 любекским фунтам. См.: *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1915. С. 155.

¹⁶⁴ Согласно иным источникам, первый прием императорских послов у царя состоялся 15 декабря. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 370–379; *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 150–151; *Шварц И., Аугустинович Х.* Отношения Габсбургов... С. 240.

ров в сомкнутом строю, а в замке¹⁶⁵ разместили шесть полков стрельцов в полном вооружении и с развевающимися знаменами. Они стояли сомкнутым строем вплоть до лестницы, по которой поднимаются в палату к Его Царскому Величеству. Перед послами ехали двести человек москвитов в полном вооружении, те же ехали рядом друг с другом, с приставом по обе стороны от себя. Перед ними секретарь нес на вытянутой руке письмо Его Императорского Величества, покрытое красным атласом. Когда они прибыли к крыльцу церкви, называемой Благовещенской, чья крыша крыта золотыми листами, то спешили и поднялись на крыльцо к Его Царскому Величеству в том же порядке, в каком ехали. Когда они вошли в сени, их встретили двое, посланные Его Царским Величеством, один стольник и один дьяк¹⁶⁶, и начали говорить так: «Великий государь, царь и великий князь, всея Великой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество, ради доброго доверия, которое они имеют со своим братом, вашим великим государем Фердинандом III, избранным Римским императором, пожаловал вас, послов Его Императорского Величества, и приказал, чтобы Его Царского Величества столь-

---

¹⁶⁵ То есть в Кремле.

¹⁶⁶ Дворянин Артемий Степанович Волынский и дьяк Василий Ушаков. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 371.

ник Н. и я, дьяк Н., приняли вас здесь в сенях». С этими словами они подали им руки и прошли дальше до дверей покоя, где их ожидал для приема Его Царское Величество. Там их встретили другие стольник, старше предыдущего по рождению и положению, и дьяк¹⁶⁷, и говорили господам послам таким же образом, как это сделали предыдущие в сенях. Наконец, подав им руку, прошли дальше внутрь покоя¹⁶⁸. Посреди покоя у стены напротив двери сидел Его Царское Величество, роскошно одетый, с венцом на голове и со скипетром в руке. По обе стороны стояли два телохранителя, наряженные во все белое и одетые роскошными золотыми цепями. Каждый держал обеими руками на левом плече секиру с широким лезвием, подобным полумесяцу, повернув ее таким образом, как если бы он хотел зарубить каждого, кто приблизится к Его Величеству. По правую сторону от Его Величества стоял боярин и дворовый воевода Борис Иванович Морозов, по левую же боярин и главнокомандующий конницей и пехотой Илья Данилович Милославский, царский тесть. У другой стены палаты по левую сторону от царского трона сидели бояре и государственные советники, одетые в золотое платье, с высокими шапками из черной лисицы на головах. У другой стены справа от Его Величества стояли прочие

---

¹⁶⁷ Стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский и дьяк Никита Головин. См.: Там же.

¹⁶⁸ То есть Золотой палаты Московского Кремля.

комнатные дворяне и два канцлера¹⁶⁹. У стены, в которой была дверь, стояло неисчислимое множество слуг. Вся палата была украшена золотой тканью и роскошными персидскими коврами.

Господ императорских послов, после того как они вошли в палату, поставили на стороне, где стояли канцлеры. Они приветствовали Его Царское Величество и выразили от лица Его Императорского Величества совершенное и полное доверие и надежду на продолжение добрых и издревле заведенных сношений. После этого они передали письмо Его Императорского Величества, которое Его Царское Величество принял собственноручно и тотчас передал посольскому канцлеру Алмазу Ивановичу. Получив письмо, Его Царское Величество привстал с кресла и спросил о здоровье Его Императорского Величества в следующих словах: «Как поживает наш брат, император Фердинанд, в добром ли он здравии?». Господа послы ответили, что, когда они покидали Его Императорское Величество, их милостивого императора и государя, тот, благодарение Богу, находился в добром здравии.

После этого Его Царское Величество подозвал к себе канцлера Алмаза и приказал ему спросить о здоровье господ послов. Тот сказал: «Аллегретт и Иоганн, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Вели-

---

¹⁶⁹ Канцлерами (*Cantzler*) автор «Дневника» здесь и далее именуется думных дьяков Посольского приказа.

кой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество, пожаловал, велел спросить о вашем здоровье».

После же того как послы поблагодарили, канцлер снова подступил к Его Царскому Величеству и, получив от него приказ в немногих словах, вернулся и начал говорить: «Вас, дворян Его Императорского Величества, великий государь, Его Царское Величество, также пожаловал, велел спросить о вашем здоровье». Они тотчас же ответили глубоким поклоном.

Наконец канцлер продолжал: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, Его Царское Величество, жалует вам поцеловать свою руку». С этими словами Его Царское Величество приподнял правую руку, которую держал боярин и дворовый воевода Борис Иванович Морозов, и оба посла, поклонившись, подошли друг за другом и поцеловали ее. Следом за тем внесли скамью, покрытую ковром, и поставили ее следом за послами. Канцлер начал говорить: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, Его Царское Величество, жалует вас, дозволяет сесть». Когда же они сели, канцлер продолжал: «Дворяне Его Императорского Величества, великий государь, Его Царское Величество, жалует вам поцеловать свою руку». Секретарь же и дворяне при-

близились один за другим и исполнили поцелуй руки с глубоким поклоном.

После исполнения этого канцлер подошел к Его Царскому Величеству в другой раз и, получив приказ, вернулся на прежнее место. Он сказал: «Послы Его Императорского Величества, Аллегретт и Иоганн, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, Малой и Белой России самодержец, отцовский и дедовский наследник, владетель и обладатель многих других восточных, западных и северных государств и земель, Его Царское Величество велел передать вам: вы отдали письмо от великого государя, Нашего Царского Величества брата, вельможнейшего государя Фердинанда III, Божьей милостью Римского императора, огласили свое посольское дело и доложили порученное вам. Мы же, великий государь, Наше Царское Величество, приняли от вас письмо нашего брата, великого государя, Его Императорского Величества, и выслушали ваше послание. Мы дружески выслушаем содержание письма, когда оно будет переведено. Что же до того, что написал в своем письме к нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, наш брат, великий государь, Его Императорское Величество, и что он велел передать вам, своим послам, то мы, великий государь, повелим боярам и советникам Нашего Царского Величества собраться с вами для переговоров в другой раз».

Канцлер продолжал: «Аллегретт и Иоганн, великий госу-

дарь, Его Царское Величество, пожаловал вас в стола место едой и питьем». С этими словами им дали знак удалиться и они, сделав поклон, вышли и отправились к себе на квартиры.

В тот же день, после ухода господ императорских послов, на приеме были господа шведские послы Густав Бьельке и прочие¹⁷⁰. Они принесли много красивых подарков, среди них – искусно сделанные серебряные сосуды, которые приняли и получили весьма благосклонно. Их вход и прием прошли тем же образом, как и у господ императорских послов, не считая того, что их свита, хотя они и были в трауре¹⁷¹, была тем не менее гораздо многочисленнее и представительнее и одета с большим изяществом и тонкостью, чем у господ императорских послов. Передав приветствие от своего короля и государя, они поздравили Его Царское Величество с победой над Польской короной и передали затем верительные грамоты Его Королевского Величества, чтобы устроить переговоры о приказанном им деле с боярами и советниками Его Царского Величества.

26 декабря шведских послов пригласили для перегово-

---

¹⁷⁰ Член шведского посольства Андерс Свенссон Трана датировал прием шведских послов 19 декабря 1655 г. См.: Дневник Андерса Траны // под ред. Г.М. Коваленко. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 49.

¹⁷¹ По вдовствующей королеве Марии Элеоноре, которая скончалась в марте 1655 г.

ров¹⁷². Будучи сначала у Его Царского Величества, они поблагодарили за посланные им еду и питье, и, узнав имена тех, кто был выбран для переговоров с ними, отправились в комнату для переговоров и сели вместе с господами переговорщиками за стол, выразив желание Его Королевского Величества, чтобы Его Царское Величество подтвердило договор с королевой Швеции Кристиной¹⁷³, уже скрепленный Его Королевским Величеством, с тем чтобы учредить более тесный союз против Польской короны, врага обоих государей. Господа москвиты указали, однако, на многие нарушения договора со шведской стороны. В этот раз не смогли прийти к справедливому решению. Напротив, дело отложили, объявив о необходимости дальнейшего обсуждения.

29 декабря призвали для переговоров и господ императорских послов, которых очень уязвило предпочтение, оказанное в переговорах шведам¹⁷⁴. После того как они прошли

---

¹⁷² Русские и шведские источники датируют первые переговоры шведских послов с русскими боярами 23 декабря. См.: Дневник Андерса Траны... С. 57; *Кобзарева Е.Н.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 84.

¹⁷³ Имеется в виду соглашение, достигнутое шведским посольством в Москву 1647 г.

¹⁷⁴ Другие источники указывают в качестве даты второго приема императорских послов и начала их переговоров с боярами 17 декабря. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 379–396; *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 151–152. Царский прием шведских послов, упомянутый в «Дневнике», действительно состоялся 29 декабря. См.: Дневник Андерса Траны... С. 57. Автор «Дневника» ничего не говорит о дальнейших переговорах Аллегретти и Лорбаха с русскими бояра-

в палату к Его Царскому Величеству и поблагодарили за посланные еду и питье, Его Царское Величество велел канцлеру спросить прежним образом об их здоровье.

Наконец канцлер начал говорить от имени Его Царского Величества: «Послы Его Императорского Величества, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович и прочая, как приведено выше, велел сказать вам: вы были на приеме у нас, великого государя, и передали нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, письмо нашего брата, великого государя Фердинанда III, Божьей милостью Римского императора, и мы, великий государь, Наше Царское Величество, приняли от вас письмо нашего брата, великого государя, Его Императорского Величества, приказали перевести таковое и дружески выслушали. В своем же письме к нам, великому государю, пишет наш брат, великий государь, Его Императорское Величество, о Нашем Царском Величестве, что он, ваш великий государь, Его Императорское Величество, отправил вас, своих советников, в посольство к нам, великому государю, Нашему Царскому Величеству, ради дел обоих наших государств и чтобы мы, великий государь, Наше Царское Величество, полностью верили всему, что вы сообщите нам, великому государю, Нашему Величеству. Посему мы, великий государь, Наше Царское Величество, приказали собраться для переговоров и выслушать

ми, хотя известно, что Боуш переводил 11 января 1656 г. один из «листов», поданных императорскими послами. См.: ПДС. Т. 3. Стб. 419.

эти дела Нашего Царского Величества боярам и советникам, ближнему боярину и наместнику¹⁷⁵ казанскому князю Алексею Никитичу Трубецкому и прочим».

После этого они отправились в комнату для переговоров и сели за стол вместе с господами переговорщиками. Они желали, однако, перемирия с Польской короной и устранения и искоренения возникших недоразумений.

30 декабря прибыл польский посланник Павел Роля¹⁷⁶, посланный литовскими сословиями с тем, чтобы выразить Его Царскому Величеству их покорность и подданство, каковые приняли с большим удовольствием. Им пожаловали охранную грамоту в том, что все, доверившиеся покровительству Его Царского Величества, сохранили свою собственность и защиту от нападения московитов.

---

¹⁷⁵ Здесь и далее автор «Дневника» передает термином *Stadthalter* русское «наместник» – почетный титул, дававшийся русским послам, но не означавший реальных полномочий по управлению соответствующими городами и землями.

¹⁷⁶ Согласно русским источникам, царь принял Ролю в Кремле уже 25 декабря 1655 г. См.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. С. 41.

Дополнение к 1655 году

Еще прошлой осенью поляки собрали большое войско, состоявшее из всяческих народов, с которым генерал Великого княжества Литовского Радзивилл и фельдмаршал Гонсевский подступили под Могилев и осадили эту крепость, граждане и жители которой, начиная со времен казацкого мятежа, никогда не хранили верность и преданность Польской короне¹⁷⁷, но всяческим образом искали покровительства врагов и, наконец, совершенно без всякой причины и принуждения предалась москвитам. После нескольких неудачных приступов, не в силах справиться с доброй и осторожной подготовкой, которую учинили в крепости, поляки, опасаясь подмоги из Москвы, отошли, не исполнив дела, хотя и потеряли многих людей во время приступов, большей же частью из-за жестоких морозов.

Весной Его Царское Величество со всей свитой и могучим войском пришел от Москвы в Смоленск, а оттуда направился через Шклов в Литву в направлении Борисова, который поляки покинули разоренным, оставив переправу без охраны и открыв дорогу приближающемуся врагу. Оттуда, обеспечив крепость добрым гарнизоном, он отправился к Минску, который после незначительных стычек был оставлен по-

---

¹⁷⁷ Имеются в виду сношения могилевской шляхты с запорожскими казаками в 1653–1654 гг.

ляками и сдался в руки врага под началом окольного и генерал-цейхмейстера Богдана Матвеевича Хитрово¹⁷⁸, руководившего передовым отрядом. Заняв и этот город, Его Царское Величество направился в Сморгонь, а оттуда в полном боевом порядке со всем своим войском подошел к столице Литвы, Вильне. Генерал Радзивилл и Гонсевский, видя, что враг прибыл со столь мужественной решимостью, сперва оставили свой лагерь Немеж в двух милях от Вильны, а затем отступили со своими войсками в город, но в конце концов из-за недостатка храбрости оставили и его на разграбление приближавшемуся сильному неприятелю. Казацкий полковник Иван Золотаренков со своими казаками не желали ожидать московитское войско, которое, еще не доверяя врагу, готовилось двигаться несколько осторожнее. Итак, казаки со всем своим отребьем ворвались первыми в эту прославленную столицу, которую они нашли совершенно покинутой людьми, но полной всевозможными запасами. За ними следовали некоторые полки московитов, а Его Царское Величество расположился главным лагерем на холмах перед городом. Оставшиеся поляки из числа простонародья, застигнутые в городе врасплох, бежали в беспорядке по мосту через реку Вилия, так что враг вырезал их самым прискорбным образом. Хотя генерал Радзивилл, отступивший до того, разместил несколько рот с орудиями на холмах над мостом,

---

¹⁷⁸ Автор «Дневника» называет Хитрово генерал-цейхмейстером, вероятно, вследствие его руководства Оружейной палатой.

намереваясь защитить переправу и помочь оставшимся полякам, это небольшое сопротивление не возымело действия из-за численности неприятеля, поскольку вся литовская армия уже отступила прежде, чем враг смог ее увидеть. Вскоре и эти немногие оставили переправу и почли за лучшее спасать собственные жизни, так что великолепный город, известный во всем свете, совершенно разграбили и подвергли разбою, вырезав или уведя всех найденных в нем живыми в качестве пленников в вечное рабство, предали огню роскошные городские здания и полностью разорили город, оставив лишь гарнизон в королевском замке. Его Царское Величество, отдохнув немного от утомительного похода, направился вновь в главную армию и вернулся с ней по уже пройденному пути в Белоруссию, оставив генералам и наместникам подготовленные армии, с тем чтобы привести под его власть остальную Литву и надзирать над завоеванными городами и оставшимися в живых поляками. Итак, москвиты и казаки разорили и разграбили все Великое княжество Литовское, вырезав многие тысячи невинных людей и уведя прочих в вечное рабство. Москвиты взяли Ковно, Лиду, Гродно, Новогрудок и все замки и крепости и осадили Брест, Ляховичи, Слуцк и Несвиж, которые закрыли ворота и до сих пор не сдавались врагу, равно как и Быхов на Днепре. Генерал Радзивилл же, оставив врагу столичный город Вильну и все Великое княжество Литовское, отошел со своими войсками в Жемайтию и отдался поначалу под шведское покро-

вительство на определенных условиях, которые он утвердил с графом Магнусом Делагарди и господином Бенгтом Шютте. Также и фельдмаршала Гонсевского он передал в шведские руки. Видя это, все в армии искали выхода и спасения собственной жизни в бегстве, частью отдавшись под шведскую власть, частью бежав к москвитам. Лишь немногие желали подчиниться властям страны, которых нигде не могли найти, и не занимали ничьей стороны, пока генеральство Великого княжества Литовского не перешло виленскому палатину господину Павлу Сапеге.

Король Швеции Карл Густав вторгся с превосходно вооруженной армией в Пруссию. Когда он подчинил себе курфюрста Бранденбурга, ему отдалась также войска Польской короны, называемые кварцянными¹⁷⁹. Они разорили свое отечество – Польшу, а также Пруссию самым жестоким образом и открыли шведам свободный путь и добрые квартиры. Укрепленные города в Польше и Пруссии, а именно Эльбинг, Торунь, Великая Познань, Варшава и Краков, сдавались врагу без всякого сопротивления. Все сенаторы и советники Польской короны также искали покровительства у Его Величества короля Швеции, который хотя и принимал их охотно, но весьма мало или вовсе не доверял им. Его Величество же, король Польши Ян Казимир, покинутый всеми своими приближенными, принужден был из-за нестроения в го-

---

¹⁷⁹ Кварцянное войско (*wojsko kwarciane*) – постоянные части армии Польского королевства.

сударстве, где его преследовали и враги, и друзья, бежать с совсем небольшим отрядом и немногими дворянами через границу в Силезию, в свое графство Оппельн¹⁸⁰, оставив всю Польшу, Пруссию и Жемайтию Швецу, Литву и Белоруссию – Московиту, а Малороссию, Волынь, Подолию и всю Украину – своим восставшим подданным, казакам. Его Величество, царь Московский, отбив из Литвы, предоставил своему боярину и воеводе князю Семену Андреевичу Урусову с новгородскими и псковскими войсками численностью около тридцати тысяч человек¹⁸¹ занять и привести в подчинение Его Царскому Величеству все прочее. Тот, завоевав многие города, прибыл, наконец, под Брест в Литве и, обнаружив некоторое сопротивление со стороны литовцев, которые присоединились к Сапеге, ставшему генералом вместо князя Радзивилла¹⁸², вынужден был после нескольких схваток отступить. Гетман Сапега преследовал Урусова со своим войском, вынудив его наконец остановиться и отчаянно сражаться перед лицом польской горячности, но был разбит под Верховичами, так что многие искусные и храбрые поль-

---

¹⁸⁰ В действительности Оппельн (Ополе) имел статус герцогства и принадлежал австрийским Габсбургам.

¹⁸¹ Современные историки оценивают силы Урусова не более чем в 7000 человек. См.: *Курбатов О.А. Русско-польская война... С. 75.*

¹⁸² В действительности на момент столкновения под Брестом (13 ноября 1655 г.) и битвы при Верховичах (17 ноября 1655 г.) гетманская булава еще принадлежала князю Янушу Радзивиллу. Лишь после смерти последнего король предложил в марте 1656 г. место гетмана Павлу Яну Сапеге.

ские всадники из-за своей чрезмерной горячности обагрили поле битвы своей кровью. Генерал московитов Урусов, однако, отступил после этой победы к своим границам, не доверяя судьбе, отвернувшейся от поляков. Он снабдил все завоеванные в Литве города добрыми комендантами и сильными гарнизонами московитов и оставил после себя добрый и надежный надзор.

Шведский генерал-лейтенант граф Магнус Делагарди и военный комиссар господин Бенгт Шютте, подчинив все княжество Жемайтское шведской власти и связав дворянство клятвами, ни в малейшей степени не доверяли полякам, а определили во все города шведских офицеров и солдат, каковым господам поляки принуждены были повиноваться. Гетман Радзивилл, заметив этот обман или меры предосторожности, противоречившие его намерениям, поскольку шведы не только не соблюли договор и не назначили его главнокомандующим, но и совершенно отняли у него командование и подчинили его полки шведским офицерам, его же офицеров сократили, впал в меланхолию и умер в конце концов в Тыкоцине, как о том сообщают, позорной смертью. Фельдмаршала же Гонсевского шведы удерживали в плену в Кёнигсберге.

Третья армия московитов под началом боярина дворового маршала и воеводы Василия Васильевича Бутурлина, действуя вместе с запорожскими казаками, разорила все местности в областях Подолия, Волынь, Малороссия и Подго-

рье¹⁸³. Они разрушили все, что попало им на пути, завоевали многие города и замки, разграбили, а после предали огню Люблин, взяли пленными многих знатных людей и привели несчетное число рабов в Москву, среди них – Петра Потоцкого, воеводича брацлавского, одного из рода Калиновских и многих прочих виднейших людей. Татарский хан, хотя и выказывал желание помочь полякам со всем своим войском, которое в продолжение всего лета действовало в полях Подолии, после первых стычек с москвитами и казаками забрал с собой то, что ему причиталось в этой земле, и вернулся к осени со своей стаей нехристей в свою страну, оставив генерала Потоцкого с совсем небольшими силами в поле и вынудив его спасаться от множества казаков и москвитов отступлением в крепости. Наибольший же ущерб поляки испытали в этом году от собственных подданных, которые часто без малейшего принуждения сдавались и перебегали на сторону врага. Ведь воистину ни один из врагов не смог бы продвинуться столь далеко, если бы собственные члены государства не разодрали внутренности своего отечества, открыв врагу ворота страны и дорогу в нее и изгнав немногих верных подданных или принеся их в жертву появившимся врагам. Московитской стороне сдались многие пустые и бесчестные люди, как, например, Масальский, воеводич брестский, который, присягнув москвитам, собрал отовсюду безбожный сброд и с ними разорял, грабил и жег

---

¹⁸³ Имеется в виду Прикарпатье.

то тут, то там в Литве, и, наконец, завоевал с помощью московитов Тыкоцин и отправил в Москву в качестве великого подарка знамена, сабли и рабов, а также украшения, найденные им на теле умершего генерала Радзивилла. Так же поступал и Кароль Лисовский со своими безбожными сообщниками – Менжинским, Рудоминой, Сухтицким, отчаянным мерзавцем Слонским и многими другими. Ведь поляки, стекавшиеся главным образом в Москву из завоеванных и незавоеванных мест, презрели собственный народ и поклялись Его Царскому Величеству верно служить против своей страны и государя, будучи пожалованы за это высокими чинами и великими дарами. Они были так этим ослеплены, что не было достаточного средства удержать их от пролития крови своих братьев и разорения своего безвинного отечества. За плату, приличествующую мерзавцам, и ради того, чтобы угодить московитам, они совершили больше жестокостей и непотребств, чем обыкновенно творят татары и язычники, надругались над честными женщинами и девушками, до смерти мучили и пытали всех, кто попадал в их руки, и не выказывали сострадания даже единоутробным братьям. Они причинили своему отечеству и своей родной стране такой ущерб, что возбудили в конце концов подозрения у народа московитов и по справедливому Божьему суду, который ни один поступок не оставляет без наказания, сами испытали много горестей, потеряв женщин и детей, добро и имущество. Часть из них, опротивев московитам, бежали в Поль-

шу, покинув жен и детей в нужде, и в конце концов нашли заслуженное наказание под польской саблей или на московитской виселице. Многие обманулись в своих ожиданиях и были преданы мучительной смерти с женами и детьми. Счастливейшие из них окончили свои безбожные жизни в острогах московитов или польских темницах, отдав Богу свои бесчестные души.

В этом году в Казани, Астрахани, Нижнем Новгороде и многих других городах Московии свирепствовала чума, от которой умерли и многие польские пленники. Также в этом государстве из-за войны начала портиться прославленная серебряная монета, а потому ввели различные медные монеты, а именно большой медный талер, стоивший шесть польских флоринов или один рубль, и другую, стоившую примерно в половину меньше. Также чеканили алтыны и гроши, а на немецкие рейхсталеры, по-прежнему стоившие в этой стране лишь пятьдесят копеек серебром, ставили штемпели Его Царского Величества и выдавали ими из казны плату приказным людям, считая их по 64 копейки, другие же разрезали на четыре части и каждую часть выдавали из казны, считая по 25 копеек. Все эти монеты совершенно не имели хождения среди простого люда. В казну же их неохотно принимали по прежней цене, а, напротив, покупали у приказных людей за меньшую плату. Управляющие Его Царского Величества полагали это выгодным, но наверняка старались лишь наполнить свой собственный кошелек

и обобщать простой люд.

1656 год

16 марта в Москву прибыл посланник польского короля Петр Галинский, маршалок оршанский¹⁸⁴, и поселился в доме немецкого купца Германна фон Тройена на Поганом пруду¹⁸⁵.

25 марта на улице против их двора один из слуг посланника зарубил саблей одного москвитя, срамившего из высокомерия польский народ, который они в нынешнее время совершенно презирают. 28 марта по приказу Его Царского Величества ему отрубили голову топором на том же месте, где он зарубил москвитя.

29 марта отрубили голову топором одному мальчику восьми лет, сыну дворянина Ивана Елакина, по той причине, что он, играя с другими мальчиками на улице города, где его отец был воеводой, сказался между ними царевичем. Его отца и мать замучили до смерти лишь из подозрения, не приказали ли они или не научили его таким словам¹⁸⁶.

---

¹⁸⁴ Согласно русским источникам, Галинский прибыл в Москву 4 апреля, что образует, возможно, самую большую хронологическую ошибку в «Дневнике». См.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века (Русско-польские переговоры 1656 года): дис.... к.и.н. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 30.

¹⁸⁵ Ныне – Чистые пруды.

¹⁸⁶ Вероятно, автор «Дневника» пересказывает слухи, циркулировавшие в Москве, в том числе среди иноземцев. Ср.: *Дневник Андерса Траны...* С. 67:

10 апреля был на переговорах польский посланник Галинский. Он сообщил о склонности и стремлении своего короля и государя, Его Величества короля Польского, к миру. Ему немедленно сообщили, что Его Царское Величество склонен к заключению мира с королем и Польской короной и к прекращению кровопролития, причиной и поводом к которому была несправедливость поляков. Чтобы засвидетельствовать добрую волю Его Царского Величества, ему передали шестьдесят польских пленных.

4 мая императорские послы господин Аллегретто де Аллегретти и господин Иоганн Дитрих фон Лорбах были у стола Его Царского Величества вверху, в четырехугольной палате¹⁸⁷. В тот же день они должны были прощаться, но, будучи в приподнятом настроении и предчувствуя счастливый успех своих намерений, они несколько переусердствовали с напитками, и их отъезд отложили¹⁸⁸.

«20 марта судили двенадцатилетнего сына воеводы лишь по той ничтожной причине, что он, играя с сыном другого именитого боярина, назвал себя царевичем или Великим Князем и хотел, чтобы другой ему поклонился. Все это была игра, но ему пришлось поплатиться жизнью». В русских источниках, однако, упоминание об этом эпизоде найти не удалось, и достоверность сообщения «Дневника» представляется сомнительной. В XVII в. известны случаи «игры в царя», в том числе среди детей или подростков, но ни один из них не приводил, насколько можно судить, к столь жестоким наказаниям. См.: *Полосин И.И.* Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. 1926. Вып. 1. С. 59–63; *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. С. 163–168.

¹⁸⁷ Имеется в виду Грановитая палата.

¹⁸⁸ О сильном опьянении императорских послов на этом приеме, датируя его

7 мая господа императорские послы в последний раз были на приеме у Его Царского Величества и отбыли полностью удовлетворенными. Их посредничество приняли с подобающим уважением и совершенной дружбой, постановив устроить в Вильне съезд для переговоров о мире с Польской короной. Господам императорским послам как посредникам надлежит, как только они получают через отправленного в Вену Николу Винченти¹⁸⁹, одного из своих дворян, полномочия от Его Императорского Величества, явиться на съезде в Вильне и способствовать заключению мира.

4/14 мая 1656 г., сообщает и Франо Гундулич. См.: *Гундулич Ф.* Путешествие из Вены в Москву... С. 155–157.

¹⁸⁹ Имеется в виду прапорщик Николай Минчетич (Николло Минчетти), отправившийся в Вену в конце января 1656 г. вместе с царским посланником, дьяком Григорием Богдановым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.